

Сьюзен Уиггс

Для каждого найдется своя книга

КНИЖНЫЙ
МАГАЗИН
„Бюро находок“

Такая разная жизнь

Сьюзен Уигтс

Книжный магазин «Бюро находок»

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Уиггс С.

Книжный магазин «Бюро находок» / С. Уиггс — «Издательство АСТ», 2020 — (Такая разная жизнь)

ISBN 978-5-17-133231-0

Для Натали Харпер настали тяжелые времена. Ее привычная жизнь рухнула, и ей ничего не остается, как расстаться с прошлым и шагнуть в будущее, которое, казалось бы, не обещает ничего хорошего. Уютный, но абсолютно убыточный книжный магазин «Бюро находок», унаследованный ею от матери, приносит сплошные убытки. К тому же ее дедушка Эндрю страдает деменцией, и, постепенно теряя связь с реальным миром, он все сильнее погружается в воспоминания. Единственное, что у них осталось – «Бюро находок», книжный магазин, который всегда дарил радость не только своим владельцам, но и каждому, кто переступал его порог. Но Харперы как никогда близки к тому, чтобы лишиться дела жизни, долги слишком велики, да и книги в современном мире, кажется, нужны только писателям... Но Натали решает рискнуть и преобразить «Бюро находок», подарив ему вторую жизнь, а себе – надежду на счастье. Переехав в маленькую квартиру над магазином, она начинает воплощать мечту одного человека, но внезапно приближается к осуществлению своих собственных желаний...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-133231-0

© Уиггс С., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	7
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	32
Глава 5	37
Глава 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сьюзен Уиггс

Книжный магазин «Бюро находок»

© 2020 by Susan Wiggs

© Самофалова А.Н., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Посвящается продавцам книг, дарящим мечты.

Пролог

Флад Мэнин, Сан-Франциско

Натали Харпер стояла перед людьми, собравшимися на поминальную службу по ее матери, и смотрела вниз на подиум. Рядом с ней лежала папка с надписью: «Советы для скорбящих», заполненная ее заметками. Это было краткое собрание рекомендаций, помогающих пережить потерю, но одну вещь ему все же не удавалось объяснить – как же ей жить дальше после случившегося?

Все это время Натали носила справочник с собой, надеясь, что он поможет разобраться с необъяснимыми чувствами, найти им выражение. Но все знания мира не позволяли проникнуть в незавершенную историю жизни ее матери, которая теперь осталась вне пределов ее досягаемости. Слова расплывались перед глазами. Натали попыталась вспомнить, что хотела сказать. Как будто можно подвести итог жизни Блайз Харпер в трехминутной речи. А что бы вы сказали, навсегда прощаясь с матерью? Что она была с вами каждую минуту жизни, с той секунды, как вы сделали первый вздох, и до последней недели, когда она ушла навсегда. Что она была красивой и вдохновляющей. Очень умной, но изредка глупой. Находчивой и приводящей в ярость. Сложной и любимой. Что она была всем – матерью, дочерью, другом, продавцом книг, источником вдохновения.

И что в тот самый момент, когда Натали нуждалась в ней больше всего, Блайз Харпер отправилась на небеса.

Часть первая

Глава 1

Архангел, провинция Сонома, Калифорния
Неделей ранее

Это было важное событие для Натали. Пожалуй, самое значимое в ее карьере. Вся компания собралась в приемной «Пинакл Файн Вайнз», чтобы отметить ее повышение и сделку на миллион долларов, которую она заключила для фирмы. Но ее мать так и не появилась. Всегда верна себе.

Справедливости ради надо сказать, что никто и не планировал двухчасовую поездку из города в Архангел в винодельческую провинцию Сонома. Вполне возможно, что Блайз Харпер просто забыла, что обещала приехать на праздник в честь дочери.

Натали натянула улыбку и провела ладонью по строгому пиджаку. Она надела его поверх нежной белой блузки с бантом, которой решила похвастаться по случаю. Одновременно она наблюдала за владельцем компании, Рупертом Карнаби. Мужчина пробирался к сцене по возвышающемуся помосту и иногда останавливался, чтобы поприветствовать коллег. Натали взглянула на дверь. Часть ее все еще надеялась, что мать войдет в зал в последнюю минуту. Но другая часть была уверена – этого не произойдет.

Натали напомнила себе, что она взрослая женщина, а не какой-нибудь ребенок, которому нужна мама, чтобы выступить на школьном мероприятии. Впрочем, Блайз никогда на них не приходила.

Хотя Натали специально не подсчитывала, сколько важных событий пропустила ее мама, но она точно знала, что их было немало, начиная со школьной олимпиады и заканчивая выпускным в колледже. У нее всегда находилось оправдание – нельзя оставить магазин, должен был приехать торговый представитель, не у кого одолжить машину, назначена встреча с известным писателем – причины всякий раз настолько важные, что Натали даже не пыталась их оспаривать.

«Ну и ладно, – думала Натали, переступая с ноги на ногу в модных, но жутко неудобных туфлях на высоких каблуках. – Все хорошо».

У мамы будет очередная отговорка, и Натали примет ее. Как это было всегда. Честно говоря, мама, которая вырастила Натали одна, редко находила свободную минутку, чтобы отлучиться из магазина. Она управляла им практически одна последние тридцать три года, и ей часто не хватало денег на его содержание.

Сотрудница Натали из отдела логистики, Мэнди МакДауэлл, прошла мимо с бокалом вина в руке. Она развлекала коллегу очередным рассказом о своих обожаемых, но плохо воспитанных детях.

Натали слишком поздно поняла, что Мэнди ее не видит. Не успела девушка отойти в сторону, как та опрокинула бокал вина прямо на нее.

– Боже мой, Натали! – воскликнула Мэнди, широко раскрыв глаза от ужаса. – Я не видела тебя, хоть убей! Мне так жаль!

Натали потянула белую шелковую блузку на себя.

– Замечательно, – пробормотала она, хватая салфетку и вытирая большое пятно от красного вина.

– Тут нужна содовая. – Подруга Мэнди, Шерил, бросилась вперед с льняной салфеткой и бутылкой. – Вот, давай я помогу.

Пока Натали держала блузку подальше от испачканного лифчика, Мэнди и Шерил пытались оттереть огромное пятно.

– Я такая неловкая, – извинилась Мэнди. – Простишь ли ты меня? Боже, не стоит. И из всех дней это случилось именно сегодня, как раз тогда, когда ты собиралась выступить...

– Это всего лишь случайность, – сказала Натали, стараясь держать себя в руках и не усугублять ситуацию.

– Пообещай, что пришлешь мне счет из химчистки, – попросила Мэнди. – А если пятно не сойдет, я куплю тебе новую блузку.

– Справедливо, – согласилась Натали. Она знала, что этого никогда не случится. Мэнди, мать-одиночка, была постоянно на мели. Она из кожи вон лезла, чтобы свести концы с концами. Хотя ее роскошные ресницы и маникюр говорили о том, что на себе она не экономит, но ей все-таки постоянно не хватало денег.

«Не осуждай, – напомнила себе Натали. – У всех свои причины».

Мэнди сочувственно посмотрела глазами, полными слез.

– А я думала, твоя мама сегодня приедет из города.

Натали стиснула зубы, но тут же заставила себя расслабиться.

– Да, не знаю, что случилось. Наверное, пробки. Или что-то в книжном магазине. Ей всегда трудно уйти оттуда.

– Ты предупредила, что это торжество в твою честь?

– Она знает, – пробормотала Натали. Мэнди была очень искренней, но ее вопросы раздражали.

– А что насчет Рика? Разве твой парень не должен быть рядом в такой важный день?

– У него испытательный полет, не смог выбраться, – ответила Натали.

– О, какая жалость. Кажется, он строит успешную карьеру в авиакомпании. Когда мы встречались, он никогда не оставлял меня одну на важных мероприятиях.

Мэнди и Рик встречались еще до того, как Натали переехала в Архангел, но они по-прежнему оставались друзьями. Этот факт Мэнди подчеркивала с раздражающей частотой. Она вытащила телефон.

– Сейчас отправлю ему фото, пусть увидит, что пропустил.

Не слушая возражений, Мэнди сделала неудачный снимок, на котором Натали оказалась с открытым ртом. И нажала «отправить» прежде, чем та смогла ее остановить.

«Вот уж спасибо, – подумала Натали. – И потом, сегодня не какой-то великий день». Это всего лишь работа. Она посмотрела на своих коллег, которые угощались закусками и наполняли бокалы в баре. Это не было самым важным событием в ее жизни.

В этот момент резкий звон приковал всеобщее внимание к сцене.

– Всем добрый день, – сказал Руперт, наклоняясь к микрофону и одаривая собравшихся своей фирменной мальчишеской улыбкой. – Говоря «добрый», я подразумеваю «отличный». А под «днем» я имею в виду перерыв на выпивку.

В толпе послышались смешки.

– Я бы хотел немного вас отвлечь, чтобы кое-что отпраздновать. Итак, Натали в представлении не нуждается, потому что вы все ее знаете, но я все же хотел бы сказать пару слов. Натали! – Руперт махнул рукой. – Присоединяйся ко мне.

Застегивая жакет, она почувствовала, как краснеет, зная, что винное пятно будет видно под его лацканами. Ее грудь была липкой, влажной, и пахла старым вином «Зин».

– Краткий экскурс в прошлое, если позволите, – начал Руперт. Он очень любил рассказывать историю семейного бизнеса по поставкам вин. – Когда моя бабушка Клотильда назначила меня главой «Пинакл Файн Вайнс энд Спирит», она сказала: «У тебя одна работа, – он попытался симитировать французский акцент своей бабушки, – поставлять вина по всему миру и делать это превосходно». А достичь этого можно, только работая с прекрасными сотрудни-

ками. – Начальник отошел в сторону и пригласил подняться Натали. – Друзья мои, Натали Харпер следует этому завету. Поэтому сегодня, я представляю вам нашего нового вице-президента по цифровым закупкам.

Натали поднялась на сцену под слегка приглушенные аплодисменты. Руперт одарил ее лучезарной улыбкой, виниры на его зубах сияли. В глубине души Натали верила, что он знает, благодаря кому держится на плаву. Руперт радовался удачным сделкам и прибыли, пока сам играл в гольф в рабочее время. Судя по всему, это и стало настоящей причиной ее повышения.

– Спасибо, – поблагодарила она, чувствуя неловкость от всеобщего внимания. Произнесенное вслух, название должности звучало вызывающе, или даже искусственно. «Но такова специфика моей профессии», – подумала она. Профессии, которую она выбрала за стабильность и востребованность на рынке труда. В ней нашлось бы место для любого, кто разбирается в информационных технологиях и логистике, только вот девяносто девять процентов людей не только не проявляли к этому делу интерес, но и попросту не смогли бы его вынести.

Работа закупщика не похожа на работу дипломата, ныряльщика, винодела, или книготорговца. В отличие от нее эти специальности действительно интересны людям.

– Благодарю за предоставленную возможность и с нетерпением жду наших новых достижений.

По правде говоря, Натали терпеть не могла свою профессию, но это было не важно. Она нуждалась в стабильной работе, которая никогда не подведет.

– Еще немного истории, – сказал Руперт, подмигивая Натали и взяв микрофон. – Однажды эта молодая леди пришла ко мне в фирму в поисках работы, и я, будучи безгранично мудрым, ей отказал. – Он помолчал. – Но взгляните на нее – у нее глаза как у щенка, инстинкт барракуды, а ума больше, чем у всех нас вместе взятых. То, что она сделала с нашей системой инвентаризации, – просто чудо. Благодаря руководству Натали в этом году мы достигли лучших результатов за всю историю «Пинакл».

Он рассмеялся.

– Ладно, я вижу, что уже надоел. Поэтому завершу свою речь объявлением. Единственная дочь губернатора Клементса выходит замуж за владельца «Каст Айрон».

Это была сеть невероятно популярных роскошных ресторанов, которыми владела дико знаменитая интернет-звезда. Его креативные блюда и коллекции вин высоко ценились в мире гурманов.

– И как вы уже догадались, это будет свадьба года в нашем прекрасном штате. – Он снова помолчал. – А какое отношение это имеет к нам, спросите вы? Я попрошу Натали это объяснить.

Шагнув к микрофону, она почувствовала собственный запах. Пролитое вино и пот, просто замечательно.

– Я постараюсь быть краткой. «Пинакл Вайнс» заключила сделку по поставке вин на свадьбу Битси Клементс. А в будущем мы станем эксклюзивными поставщиками вина ресторанов «Каст Айрон».

Ей бы не хватило слов, чтобы передать, через какие сложные и напряженные переговоры она прошла ради этой сделки. Она до предела вымотала свою команду, составляя идеальную комбинацию продуктов и скидок. Многомиллионная долларовая сделка была почти завершена.

Последняя задача – закупить редкое эльзасское белое вино, на котором настаивал жених. Как только это подтвердится, останется обговорить последние детали.

– Я бы хотела поблагодарить свою команду – Мэнди, Шерил, Дейва и Лану – за помощь с проектом. – Это была абсолютная ложь, призналась она сама себе. Команда стала настоящей обузой, ей постоянно приходилось вмешиваться в процесс.

Руперт взял в руки микрофон и со всем своим обаянием сказал:

– На этом все, давайте выпьем.

Он тоже активно участвовал в рабочем процессе. Несмотря на благие намерения, ему все же не хватало деловой и финансовой проницательности, чтобы завершить сложную сделку. Однако он был счастлив поставить удачу сделки себе в заслугу, но благороден достаточно, чтобы наградить Натали новой должностью.

Все подняли бокалы. Натали окинула комнату взглядом, люди смеялись и разговаривали друг с другом, наслаждаясь видом с верхних кабинетов «Пинакл Файн Вайнс».

Вместе с повышением появился и новый офис, достаточно далеко от отдела инвентаризации. Теперь у Натали будет собственный угловой кабинет. Она горела желанием показать его матери – панорамное окно, обрамляющее бескрайний вид на холмистый пейзаж Сономы – убежище от постоянной, непродуктивной болтовни коллег.

Руперт пустился в разговоры о предстоящей свадьбе, которую уже с преувеличением сравнивали с бракосочетанием Меган Маркл. Натали отступила назад, достала телефон. На экране высветилась ее аффирмация на день: «Я верю, что я на правильном пути». Смахнув надпись, девушка нажала кнопку повторного вызова, но, как и предполагалось, телефон матери переключился на голосовую почту: *«Вы позвонили Блайз Харпер из книжного магазина “Бюро Найдок” в сердце исторического центра Сан-Франциско. Оставьте свое сообщение. А еще лучше – приходите ко мне в книжный магазин!»*

Натали не оставила сообщения. Мама редко проверяла их. Девушка набрала эсэмэску: «Ты не пропустила ничего интересного – на меня просто вылили красное вино, и было жутко неловко у микрофона». Пришло новое голосовое сообщение. Натали выскользнула из комнаты, зная, что никто не станет ее искать. Она всегда была замкнутой. Оказавшись в коридоре, девушка направилась к своему новому кабинету, чтобы побыть в тишине. Большая часть вещей лежала на полу в коробках. Она надеялась, что мама поможет ей разложить все по местам, когда придет. Задержавшись у окна, она сфотографировала впечатляющий вид. И отправила фото матери со словами: *«Вживую еще лучше»*.

Голосовое сообщение пришло с номера Рика. Она слегка съежилась, прослушивая его. Веселый и дружелюбный голос говорил: *«Эй, мальшика, прости, что пропустил столь знаменательный день. Не смог отделаться от этого тестового полета. С нетерпением жду выходных. Люблю тебя»*.

Так ли это? Любит ли он ее? Любит ли она его?

Натали не хотела отвечать на эти вопросы. Она понимала: чтобы быть честной с собой, ей придется признать, что искра между ними уже давно угасла.

На первый взгляд они с Риком казались идеальной парой – амбициозный менеджер в винной компании и успешный авиаинженер и пилот. Он симпатичный, к тому же из хорошей семьи. И все-таки, если копнуть глубже, их отношения были равными и чудовищно предсказуемыми. Иногда Натали переживала, что они все еще вместе лишь потому, что это удобно. Если можно назвать удобными отношения без воображения и перспективы.

Вполне возможно, что каждый из них просто ждал, когда другой предложит расстаться.

Сигнал входящего сообщения прервал ее размышления. Вероятно, это было связано с работой и вполне могло подождать до понедельника, но она не могла не проверить компьютер. Натали увидела тему письма, выделенную жирным шрифтом, от которой у нее едва не остановилось сердце.

Срочно: Лицензия просрочена.

Какого черта?

Она обессиленно плюхнулась в свое эргономичное офисное кресло, чувствуя, как кровь отхлынула от лица. Письмо было от секретаря губернатора Клементса.

Мисс Харпер, с сожалением сообщая, что дедлайн на лицензирование от налоговой службы был пропущен, в связи с этим договор будет аннулирован...

В груди Натали застыл беззвучный крик. Они забыли про сроки и тем самым поставили всю сделку под угрозу. Как это могло произойти?

Она знала, что за картотеку отвечала Мэнди. Натали неоднократно напоминала ей, что соблюдение дедлайнов очень важно для успешных партнерских отношений с «Каст Айрон». Мэнди успокаивала ее, что со всем справилась. Натали дважды проверила ее.

Но стоило это сделать трижды.

В панике она стала набирать чей-то номер. Это была сделка, над которой она так много работала. Чтобы заполучить этот контракт, она отчаянно конкурировала с другими поставщиками.

Если сделка сорвется, Натали придется задуматься об увольнении Мэнди. Женщина совершала ошибку за ошибкой, и, как правило, Натали покрывала ее. Мэнди была всеобщей любимицей. Такая забавная, очаровательная и обожаемая всеми.

Натали с силой сжимала телефон, пытаясь дозвониться до государственного инспектора. Все-таки хорошо, что мама и Рик все пропустили. Вряд ли бы им понравилось наблюдать за тем, как она пытается исправить ошибку коллеги.

Спустя час напряженной работы ей все же удалось спасти ситуацию. Мокрая от пота и красного вина, потрясенная до глубины души, она зашла в уборную. Ей в очередной раз удалось спасти задницу Мэнди. Это стоило ей унижений и дополнительной скидки на 10 000 долларов, которые, была уверена Натали, вычтут из ее премии.

В кабинке она почувствовала тошноту, но ее так и не вырвало. Она сняла пиджак и блузку. И то, и другое было испорчено. Не в состоянии ни секунды больше оставаться в этой блузке, она закинула ее в мусорный бак. Затем надела пиджак поверх лифчика, который тоже был перепачкан вином.

Она уже собиралась выходить, когда услышала звук открывающейся двери.

– ...видела ее лицо, когда трепался Руперт? – говорил кто-то, входя в туалет. Это был голос Мэнди.

Натали замерла. Она перестала дышать.

– Да, – протянули в ответ. Это была подруга Мэнди, Шерил. – Это ее стервозное лицо. Слава богу, нам больше не придется смотреть на него каждый день.

– И правда, – захихикала Мэнди. – Это ее псевдоповышение – лучшее, что когда-либо с нами происходило.

– Ты думаешь?

– Этот милый угловой кабинет? Отдел кадров специально отправил ее туда, чтобы никто не слышал ее постоянного нытья. Она больше не будет маячить у нас перед глазами. Теперь она будет вмешиваться только в электронные таблицы. Вот и славненько. Я лично поблагодарила Руперта за то, что он убрал ее из отдела. Желанная свобода!

Натали услышала смех и слова: «Дай пять». Раздался хлопок.

– Выпьем же за то, чтобы больше не было таких токсичных боссов.

Одна из них начала напевать: «Динь дон, ведьма померла», и они обе зашли в соседние кабинки.

Теперь Натали действительно хотелось блевать. Вместо этого, не проронив ни звука, она выбежала из туалета, молясь, чтобы они не узнали, что она все слышала.

Глава 2

Душ и смена одежды немного помогли ей прийти в себя, но Натали все еще чувствовала себя опустошенной от того, что услышала. Опустошенной, но не удивленной. Не имело смысла отрицать, что она щепетильная. Дисциплинированная. Требовательная и к себе, и к другим.

Осмотрев свою скромную квартиру, она признала, что любит порядок.

Но разве это делало ее ужасным человеком?

Пригладив руками темные, волнистые волосы, она подумала о своей чистой машине с гибридным двигателем, о своем аккуратном доме, о спокойной безопасной жизни... но тонкий голосок внутри напомнил – о пустоте. Ей не хотелось пустоты, но она не знала, чем ее заполнить. Сразу после окончания колледжа она создала для себя дом, которого ей не хватало в детстве – такой предсказуемый, простой и аккуратный. Он должен был подходить ей. В нем она должна была чувствовать себя на своем месте. И все же, несмотря на идиллическую атмосферу Сономы, окруженной виноградниками и яблоневыми садами, она чувствовала пустоту и не знала, что с ней делать.

Несмотря на загруженность Натали и ее преданность компании «Пинакл Файн Вайнс», работа не помогала. Большую часть времени ее карьера напоминала нескончаемую рутину. В какой-то момент она даже возненавидела свою профессию. Это в сочетании с угнетающей мыслью об отношениях с Риком вызвало у нее новый приступ тошноты.

«Прекрати», – приказала она себе. Повышение сопровождалось солидной прибавкой к зарплате. Если она будет и дальше идти этой дорогой, то многого добьется в жизни. Когда она росла в книжном магазине, во главе которого была ее взбалмошная мама, ей не хватало ощущения безопасности и равновесия.

Большую часть времени, думала она, пытаясь справиться с тошнотой, это чувство стабильности было достаточно веской причиной для того, чтобы работать в Пинакл.

Она надела укороченные брюки, полосатый свитер и тряпичные кеды. Пытаясь избавиться от тревожного чувства, она проверила телефон. Мама все еще не ответила на сообщение. Рик, по-видимому, тоже все еще где-то летал.

Натали обнаружила эсэмэс от подруги Тэсс, та приглашала ее к себе. Хотя что-то приятное за весь этот паршивый день. Она запрыгнула в свой маленький гибридный хэтчбек и поехала к дому Тэсс. По пути она остановилась, чтобы взять банку меда в лавке Джеми. Джеми Вестфол была пчеловодом, она переехала в этот район несколько лет назад, одинокая и беременная. Но теперь она жила не одна. У нее был маленький сын по имени Олли. Пока Натали выбирала банку меда с наклейкой «Спасите пчел» и опускала пять долларов в коробку, на улицу вышел Олли.

– Привет, мисс Натали, – поздоровался он.

– И тебе привет. Как дела?

Мальчик выразительно пожал плечами. Он был очаровательно застенчив.

– Делаю домашку: читаю маме вслух.

– Ну и как успехи?

Он опять пожал плечами. На крыльцо вышла его мама, худенькая девушка в комбинезоне и расшитом топе.

– Он хорошо читает, но слишком разборчивый. Ему, правда, очень понравилась последняя книга, которую вы нам подарили, «Одна семья».

– Здорово, я рада, что тебе понравилось. Жаль, что этой книги не было, когда я была в твоём возрасте, Олли. В нашей семье только я, мама и дедушка, и я была бы рада тогда прочитать о том, какие разные бывают семьи. Не просто семьи, в которых есть мама, папа, дети, собака, – она загибала пальцы, перечисляя.

Мальчик надул нижнюю губу.

– Я люблю читать про собак.

Натали улыбнулась Джеми.

– Принесу тебе новую книгу в следующий раз. Я когда-нибудь говорила тебе, что у моей мамы есть книжный магазин? Когда-то я там работала, оттуда моя суперспособность – выбрать самую подходящую книгу для самого подходящего ребенка.

– А почему ты больше не работаешь там? – спросил Олли.

– После случившегося сегодня я и сама задаюсь этим вопросом, – призналась Натали. – Я собираюсь навестить Тэсс, еду к ней за чаем и сочувствием.

– Чай я не люблю, – заметил Олли. – А какое на вкус сочувствие?

Натали рассмеялась, взъерошила его волосы и направилась к машине.

– Как подтаявшее маршмеллоу в шоколадном соусе.

– Может, мы съедим его вечером на десерт, – сказала Джеми. – Они стояли вдвоем на крыльце и махали на прощание.

Глядя на Джеми и ее ребенка, было невозможно не заметить, как они счастливы вместе. Время от времени Натали думала о детях и чувствовала приступы острой тоски. «Всему свое время», – сказала она себе.

Они с Риком говорили о детях. Точнее, Рик говорил. А она слушала. И сомневалась.

По дороге ее стали мучить и другие сомнения. Была ли Тэсс и впрямь ее подругой, или она приютила Натали как бродячую кошку? Ей хотелось верить, что все-таки была. Но после того, что она услышала на работе, девушка больше ни в чем не чувствовала уверенности.

Повернув по указателям к виноградникам России и винодельне Энджел Крик, она поехала по длинной гравийной дорожке. Тэсс Делани Росси, как и Натали, воспитывала мать-одиночка, и она жила в Сан-Франциско до переезда в Архангел. У девушек было много общего. Но в отличие от Натали, Тэсс поселилась в маленьком городе для того, чтобы выйти замуж, и последовала за сердцем, а не за карьерой.

Натали припарковалась перед простоватым деревянным домом, где Тэсс жила со своим мужем, родными и приемными детьми и двумя спасенными собаками – стареющей остромордой итальянской борзой и неповоротливой дворнягой, которая, насколько было известно, наполовину акита-ину и наполовину вуки. Собаки лениво развалились между подъездной дорогой и домом.

Тэсс вышла поприветствовать подругу. Ее рыжие волосы были стянуты сзади шарфом, а рабочий фартук, повязанный поверх одежды, был в пятнах от винограда.

– Привет, Нат, Спасибо, что приехала. Подумала, ты захочешь присоединиться к нам за ужином.

– Захочу – не то слово. Спасибо.

– Доминик и дети на заднем дворе. День большого урожая в нашем маленьком винограднике. – Тэсс указала на солнечный дворик рядом с большим навесом. Сборщики разгрузили ящики с только что собранным виноградом и вывалили его на сортировочный стол из нержавеющей стали. На одном конце, стол вибрировал и отсеивал неспелые или гнилые ягоды. На другом – отобранный виноград двигался по конвейеру для обрезки стеблей.

Семья собралась вокруг, сортируя виноград вручную, смеясь и разговаривая, а виноградный сок оставлял пятна на всем.

Натали посмотрела на детей и собак, бегающих вокруг, присвистывающего мужа Тэсс, старших ребят, умело и быстро помогающих Доминику. Все казалось таким привычным, семья веселилась просто от того, что они были вместе.

– Всем привет, – сказала Натали.

– Добро пожаловать на пятничную вечеринку в Энджел Крик, – поприветствовал ее в ответ Доминик.

Доминик Росси был одним из тех мужей, благодаря которым само понятие – «муж» – звучит гордо. Он принадлежал к тому типу парней, для которых было придумано выражение «высокий, смуглый и красивый». К тем мужчинам, которые источали юмор, сердечность и дарили всем позитивный настрой. Он был бывшим президентом банка в Архангеле, но его страстью оказалось виноделие.

И дети с очаровательной женой, очевидно. Натали обратила внимание на фартук Тэсс. Глядя сбоку, невозможно было не заметить живот.

– Ты опять беременна? – спросила она тихим голосом.

Тэсс ответила радостной улыбкой, покрывшись классическим румянцем, присущим рыжеволосым людям.

– Она обещала мне сестру, – сказала Трини. Дочь Доминика, которая училась в старшей школе, бросила взгляд на своего брата Антонио, который отошел от стола, чтобы повеселить двух сыновей Тэсс, бегая за ними с испачканными в винограде руками. Маленькие мальчики, которых называли Первый и Второй, визжали от восторга.

– Это замечательно, – обрадовалась Натали. – Поздравляю вас, ребята.

Семья Росси выглядела сплоченной и беззаботной. Но Тэсс уверяла, что это иллюзия. Натали знала, как было тяжело подружить детей Доминика от первого брака и двух маленьких мальчиков, рожденных у них с Тэсс. Но все-таки нельзя было отрицать, что в этот момент они выглядели счастливыми и защищенными. Невозможно было не заметить их привязанности друг к другу.

– Люди говорят, что третий ребенок самый желанный, – заметила Трини. – Почему так говорят?

– Хороший вопрос, – ответила Натали. – Значит ли это, что первые двое *не* желанные? Потому что, когда я смотрю на этих двух маленьких ребятшек, я вижу что-то особенное.

Пока они разговаривали, Первый бросил горсть виноградного жмыха на голову брата. Младший самозабвенно заревел.

– За ними нужно постоянно следить, – сказала Джина, сестра Доминика. Она вытерла руки. – Я займусь ими, Тэсс.

– Спасибо. – Тэсс села на стул и посмотрела на Натали. – Так... Где Рик сегодня?

– Точно не знаю. У него сегодня вечером тестовый полет.

– Похоже, у тебя был тяжелый день, – заметила Тэсс.

Натали не стала отрицать.

– Я получила большое повышение на работе...

– Эй, это же здорово! – воскликнула Тэсс. – Должно быть, что-то промелькнуло на лице Натали, и она добавила: – Не так ли?

– Все казалось прекрасным. Компания даже организовала небольшую вечеринку в честь того, что я заключила крупную сделку. Мама обещала приехать из города, но так и не появилась. Что в общем даже хорошо, потому что оказалось, вся затея с повышением была уловкой, чтобы изолировать меня так, чтобы мне не пришлось ни с кем взаимодействовать.

– Что? – Руки Тэсс ловко перебирали виноград. – Не понимаю.

Натали вздохнула, уставившись в землю.

– Я токсичный босс.

– Ни в коем случае. Ты одна из моих любимых людей.

– Тебе не приходится со мной работать. По-видимому, я ночной кошмар. Микроменеджер, контрол-фрик, сучка. Согласно разговору, который я подслушала в туалете, я собрала в себе все лучшее.

– О Натали, это совсем на тебя не похоже. Как бы то ни было, я полагаю, проблема в твоих коллегах, а не в тебе.

С Тэсс было легко говорить.

– По правде говоря, я даже рада, что они перевели меня в отдел, где мой единственный коллега – плоский экран монитора. – Натали вздохнула. – Коллеги меня ненавидят.

– Но мы рады тебе в винодельне Энджел Крик, так что засучивай рукава и помогай. – Тэсс передала ей клеенчатый фартук.

– Заставляешь меня работать?

– В это время года все работают.

– Я токсична, помнишь? – Она храбро завязала фартук.

– Попрошайся со своим маникюром, – предупредила Тэсс. – Следующий – за мной.

У Натали всегда был безупречный маникюр. Она считала его необходимостью, чтобы выглядеть профессионально на работе. Но она сделала это с радостью. Нырнула обеими руками разбирать виноград, пока ее пальцы не окрасились в темный цвет старой виноградной лозы зинфандель.

Они работали бок о бок некоторое время. Монотонная работа и болтовня членов семьи Тэсс немного помогли.

– А что если они правы? – размышляла вслух Натали. – Я имею в виду моих работничков. Что если они правы – я действительно токсична, и никто меня не выносит?

Тэсс ничего не ответила, и Натали почувствовала ее тяжелый изучающий взгляд.

– Что? – не выдержала она наконец.

– Тебе надо выпить. – Тэсс поймала взгляд Доминика. – Мы берем перерыв, – сказала она, подзывая Натали к закрепленной кадке со шлангом.

– Лентяйка, – ухмыльнулся в ответ муж.

Тэсс показала ему язык и отвернулась.

– Я тоже иногда токсичный босс. Они просто не рискуют со мной спорить.

После того как они умылись, Тэсс налила в стакан зинфанделя из бочонка с наклейкой «*Старое вино – отроги ручья*». Для себя она открыла холодную бутылку «Топо Чико», и они сели на террасе, у дома. На вымощенной камнем площадке с затененной беседкой валялись детские игрушки, с нее открывался обширный вид на виноградники. За ними находился яблоневый сад, где жила сестра Тэсс – управляющая школы виноделия и кулинарии.

– Послушай, – начала Тэсс. – когда-то я была такой, как ты. Когда-то я была тобою. Я стала системой жизнеобеспечения своей работы, злая на всех, сама до конца не понимая, почему.

– Что? – Натали нахмурилась, кинув взгляд на дом, окруженный белым забором, на детей и собак. – Не может быть.

– Может. А ты знаешь, что я чуть не загремела в психбольницу с панической атакой?

– Серьезно? О Тэсс, я ничего не знала об этом! Мне так жаль.

– Спасибо за сочувствие. Если честно, я была в ужасном состоянии. Думала, у меня случится сердечный приступ. – Тэсс помолчала. А потом добавила: – Кажется, это случилось очень давно – в другой жизни, в прошлом, когда я была одна и жила в городе, до того, как это все произошло. – Она жестом указала на виноградники, на мужа и семью. – Я стала одержима своей карьерой. Карьерой, в которой так преуспевала.

Она когда-то работала экспертом по антиквариату в элитном аукционном доме – об этом Натали знала. Это Тэсс помогла матери Натали оценить некоторые редкие книги в «Бюро Находок».

– Я почти уверена, что доводила людей до ручки, – призналась Тэсс. – Точно знаю, что себя уж точно доводила.

– Не могу даже представить.

– Так все и было. Но я выжила. Я тебя не пытаюсь напугать. Не говорю, что ты имеешь дело с тревожным расстройством, но для меня пребывание в больнице, уверенность в том, что умираю, стали знаком, что пора что-то менять.

– Я дотошная, как говорят коллеги. – Натали рассказала Тэсс про то, как часто Мэнди делала ошибки, и о том, как ей приходилось их постоянно скрывать, выполняя двойную работу.

– То, что она про тебя сказала, – объективно ужасно. Мне жаль, что ты это услышала, я хочу, чтобы ты знала, это не так.

– Спасибо, – поблагодарила Натали. – Наверное, ты права, но услышать это было тяжело.

– Говоря прямо, эта женщина каждый день косячит, но ты ее покрываешь. Ты ничего ей не должна, но почему же ты это постоянно делаешь?

– Потому что я ее руководитель. И потому, что могу помочь.

– Ладно, а что бы произошло, если бы ты перестала покрывать Мэнди и позволила ей облажаться? Что тогда?

– Я задавалась этим вопросом много раз, – призналась Натали. – Это бы подвело всю компанию. Большая свадьба штата – прекрасный пример. Если бы я не уладила проблемы сегодня днем, мы бы потеряли прибыль, а репутация компании бы пострадала. Как и моя репутация, поскольку я ее руководитель. В конце концов, ее бы уволили. А ей нужна работа. Она живет одна, воспитывает двоих маленьких детей.

– А с какой стати это твоя ответственность? – спросила Тэсс.

– Потому что я... – Натали сделала паузу. – Да, не моя.

– И...?

Натали покрутила бокал. Вино было прекрасное, со сложным и богатым вкусом. Компания, на которую она работала, существовала благодаря этому благородному напитку, он расслаблял и дарил радость тем, кто умел им наслаждаться.

Натали в нем радости не находила. Это была всего лишь работа. Стабильная, с хорошим доходом и полным соцпакетом. Гарантировавшая пенсию. Все, без чего ее мама обходилась всю жизнь.

– Не выручить ее, когда я знаю, как это сделать, кажется интриганством. Я не хочу быть причиной ее увольнения.

– Я это понимаю, как и понимаю, откуда такие мысли. Нас обеих воспитывали матери-одиночки. Отцов не было на горизонте. И разве наши мамы сдались?

Натали вспомнила о своей маме, которой каким-то образом удалось уладить все финансовые трудности и не отчаяться. Тэсс и ее сводная сестра, Изабель, выросли без отца, он исчез еще до их рождения.

Натали хотя бы точно знала, где ее отец. Хотя Блайз любила повторять, что жизнь дала ей все, о чем только можно мечтать, но иногда Натали задумывалась, так ли это. Ее мать была сплошным клубком противоречий. Бывало, рисковала в бизнесе, но только не в делах сердечных.

– Если ты продолжишь покрывать свою сотрудницу, – продолжила Тэсс, – она ничему не научится. Ты удивишься, когда узнаешь, сколько можно научиться на собственных ошибках.

– Это дар, который у нас есть, – заметила Натали.

– Я хочу сказать, что ты не помогаешь, постоянно все за ней исправляя. Выручая человека, ты лишаешь ее возможности учиться и двигаться вперед.

– Когда ты научилась так хорошо разбираться в этих вещах? – спросила Натали. – Гормоны из-за беременности?

– Точно, – Тэсс засмеялась.

Натали наслаждалась вином с глубоким, богатым вкусом и великолепными красками надвигающегося заката. У нее была хорошая жизнь. Хорошая работа. Хорошая подруга.

– Должна сказать, ты лучше любой терапии. Это был дерьмовый день. И не только из-за работы и отсутствия мамы. – Она снова вздохнула. – Не думаю, что с Риком что-то получится.

– Ты и Рик? Мне казалось, вам хорошо вместе. Что случилось? – спросила Тэсс.

– В этом-то и проблема. Ничего не случилось. Совсем ничего. Он замечательный парень, и мне кажется, я тоже замечательная, не считая работы. Мы подходим друг другу, но... не уверена, что этого достаточно. Мы уже почти год вместе, но наши отношения особо не развились.

– Ну а ты сама хочешь, чтобы они развивались?

Натали взглянула на бескрайние просторы виноградников и садов, бесконечную щедрость природы. Иногда Рик брал ее в полеты, чтобы полюбоваться пейзажами, и ей это нравилось. Она хотела бы сказать, что любит его.

– Мне бы хотелось сходить по нему с ума. Я *должна* сходить по нему с ума. Он прекрасно выглядит. Успешный. Хорош в постели. У него хорошая семья в Петалуме.

– Но?

– Верно. Есть одно но. – Она внимательно осмотрела горизонт, нежную волнистую линию горизонта, где холмы встречаются с небом. – Жаль, что есть это «но». Жаль, что я не могу все это почувствовать. Она ждала пьянящей смеси страсти, уверенности и волнения, в которой бы не чувствовались угроза или риск.

Хотя, может быть, в этом и был смысл. Может быть, волнение – это и есть риск. В таком случае она могла обойтись без него.

– Мама говорит, что я слишком закрыта для близости, – призналась она. – Ей, уж конечно, виднее. Она всю жизнь одна. И утверждает, что счастлива. Так почему она думает, что мне кто-то нужен? Неужели я тоже не могу быть счастливой?

– Конечно можешь. Твоя мама говорит в точности как моя – сплошной комок противоречий. Зато интересно. Ах, Нат. Мне жаль, что мама не удосужилась прийти, и мне жаль, у вас с Риком не лучшие отношения. Но то, что тебя повысили, – потрясающе и весьма заслуженно. – Она помолчала. – Ты моя подруга, я тебя люблю и то, что тебе дальше скажу, я скажу любя. Тебе не кажется, что ты просто злая из-за работы?

– Ну да, – ответила Натали. – Работа – это... ах, всего лишь работа. Я в ней прекрасно разбираюсь. Настолько, что иногда жалею, что не могу найти что-то одновременно стабильное и захватывающее. Не думаю, что существует что-то подходящее для меня.

– На каком-то этапе жизни ты убедила себя, что рисковать плохо.

– Так бывает, когда растешь в книжном магазине. Не буду отрицать, среди всех этих книг, посетителей, которые приходят и уходят, новых поставок каждый месяц было весело. Но в какой-то момент я поняла, что мама тонет в долгах, месяц – в плюсе, месяц – в минусе.

– Поэтому ты решила найти стабильную работу.

Натали кивнула.

– Я не такая смелая, как моя мама. Она владеет книжным магазином с тех пор, как забеременела мной. Наверное, ей нравятся американские горки. Она не боится долгов по счетам, потому что всегда уверена, что завтра будет лучше. – От одной только мысли, что так можно жить изо дня в день, у Натали скрутило живот. – Единственный раз я видела ее потрясенной, когда дедушка упал и сломал бедро. Сейчас у него, как называет это мама, «когнитивное расстройство». Я так хотела увидеть маму сегодня, чтобы еще и узнать, как дела у бедного дедули... Может быть, с ним что-то случилось, поэтому мама и не смогла приехать?

Она обхватила себя руками, вспоминая прекрасного мужчину, заменившего ей отца, которого ей так не хватало; няню, учителя и внешкольного репетитора, обожаемого друга детства.

– У меня тоже дед падал, – сказала Тэсс.

– Магнус? – Натали видела пожилого мужчину раз или два. Как и ее дед, он был стариком, излучавшим любовь, как лучшие из дедушек.

– Да, давно. Он упал с лестницы в яблоневом саду много лет назад. Все страшно испугались, но он поправился.

– Надеюсь, что я смогу сказать то же самое о дедушке. С тех пор, как он сломал бедро, он так и не стал таким, как раньше. Может быть, поеду завтра в город и навещу его.

– Держу пари, он будет рад тебя видеть.

Натали встала и отнесла бокалы к бару во двореке.

– На этой радостной ноте отпускаю тебя назад к твоей семье. Мне нужно ехать домой и немного поразмышлять о том, что делать с людьми, которые меня ненавидят.

– Перестань.

– Ты права. Спасибо, Тэсс. Я не позволю сбить себя с толку.

* * *

Натали повторяла эти слова, как мантру, пока ехала назад в город. *Не позволяй сбить себя с толку.*

Мантра не сработала, она включила радио в машине и стала петь вместе с Эдди Веддером, пока мимо проносилась закатная панорама. Песня «Список желаний» заставила ее составить собственный список. Другая работа. Другие отношения. Другая жизнь.

«Подробности в нашем выпуске срочных новостей», – диктор прервала следующую песню.

Она в раздражении потянулась переключить станцию, но остановилась, услышав слова «Эвизйшн Инновейшнс». Это была компания Рика.

«Управление Гражданской авиации расследует авиакатастрофу, произошедшую сегодня днем на озере Лома. Воздушное судно принадлежало местной компании «Эвизйшн Инновейшнс», – сказала диктор. – Пилот и пассажир погибли при крушении. Имена погибших не сообщаются.

Натали слушала с нарастающим страхом и виноватым чувством облегчения. Это была компания Рика, но он не мог быть жертвой. Он летал сегодня один. Она съехала на обочину дороги и позвонила ему. Ответа не было. Потом она отправила ему сообщение: *«Я только что услышала про авиакатастрофу. Очень сожалею. Это кто-то из твоих знакомых?»*

Ответа не последовало, и она продолжила путь. Должно быть, это кто-то, кого он знал. В конце концов, это маленькая компания. Возможно, даже она знает жертву. Они с Риком общались с другими пилотами, когда летали на дегустацию вин или экскурсии по живописным местам. Она поймала себя на мысли, что жизнь с Риком была не такой уж плохой. Он был верным. Предсказуемым. Надежным. В нем присутствовало все то, что она ценила.

Повинуясь внезапному порыву, она свернула с главной дороги и поехала к «Эвизйшн Инновейшнс». Парковочная площадка оказалась забита автомобилями скорой помощи и суетившимися людьми. Она стала искать Рика в толпе – чисто выбритого, хорошо сложенного американского парня с широкими плечами, короткой стрижкой и красивой улыбкой.

Она не нашла его среди персонала, толпящегося в главном здании и в ангарах. Затем она заметила Мириам, его секретаршу, сидящую на ступенях и говорящую по телефону. Девушка подняла голову и увидела Натали.

– Я перезвоню тебе, – бросила она.

– Привет, я только что услышала, – сказала Натали. – Приехала узнать, не вернулся ли Рик.

Мириам ухватила за перила и выпрямилась.

– Натали...

Лицо секретарши было белым, как облака, проплывающие над холмами Сономы.

Натали остановилась как вкопанная. Страх постепенно сменился замешательством и недоверием, а после пришло отрицание.

– Это не Рик, – выпалила она. Ее голос звучал резко, почти зло. Должно быть, так она говорит на работе, пришло ей в голову.

– О, Натали. Это ужасно. Дико. Мне так жаль. Я не могу даже... – Мириам протянула руку. – Иди сюда, сядь.

Натали вздрогнула и оттолкнула ее.

– Мне не нужно сидеть. Мне нужно... я... я... – она не имела понятия, что ей нужно в этот нереальный, невыносимый момент. Натали сделала глубокий вдох. – Скажи мне, что случилось? Он сказал, что собирается уехать на день. Сказал, что не успеет к вечеринке по случаю моего повышения. Он был на испытательном полете. О боже, он разбился во время полета? Разбился, да?

– Это... Это не был испытательный полет.

– Значит, с ним все в порядке? – Натали отчаянно хотела, чтобы это было правдой.

В глазах Мириам промелькнула паника. Ей было трудно встретиться взглядом с Натали. Затем она сделала глубокий вдох.

– Он, хм... Он был с пассажиром.

– Да, я слышала об этом в новостях, – мысли Натали лихорадочно метались. О боже. Рик.

Его родители жили в Петалуме. Там же жила его сестра. Натали познакомилась с ней всего несколько недель назад. Рита? Нет, Ронда.

– Может, мне нужно поехать к его родным? – спросила она Мириам. – Кто-нибудь сейчас рядом с ними? – Сердце Натали отчаянно билось. Ее руки были холодными и влажными, а легким не хватало воздуха.

Рика больше нет. Как он мог уйти? У них были планы пообедать завтра вечером во «Френч Лондри» в Яунтвилле. Она мучилась из-за необходимости поговорить об их отношениях. Ей было интересно, кто из них первым предложит расстаться.

Как он мог уйти?

– Натали, мне правда нужно, чтобы ты села. – Мириам положила руку ей на плечо и повела к светлым известняковым ступеням перед невысоким, современным зданием. Ее прикосновение казалось уверенным, но Натали чувствовала, как дрожали ее руки.

– Да, хорошо. Я... Я догадываюсь, что все в шоке... – Она заметила, что еще несколько человек перешептываются и поглядывают в ее сторону.

– С ним был пассажир, – снова сказала Мириам. – Она тоже умерла.

– О. Да, это ужасно. – Ее мысли метались. Она пыталась сообразить. *Она*. Другая женщина? Рик ее обманывал?

«Больше нет», – подумала Натали. И тут же возненавидела себя за такие мысли.

Мириам повернулась к ней. Крепко сжала обе ее руки.

– Мне так жаль. Я не знаю, как... о боже. Другим пассажиром была твоя мама.

Время остановилось. Все остановилось – дыхание, биение сердца, вращение земли, ветер, колышущий ветки деревьев, вой сирен приближающихся машин скорой помощи. Натали заставила себя слушать Мириам, изо всех сил стараясь вникнуть в ее слова, в то же время чувствуя, как внутри поднимается волна яростного отрицания. Это не могло произойти. Но по мере того, как все больше людей окружало ее, она почувствовала опустошающую уверенность в том, что все это правда.

Она уставилась на женщину, которая только что объявила, что ее мать умерла, но в действительности ничего не видела из-за оглушающего шока. А потом пришла боль, такая мучительная, что она мгновенно застыла в оцепенении, пронзившем сердце.

Глава 3

– Дедуля, – позвала его Натали так нежно, как только могла. – Пора идти.

Когда она переступила порог, Эндрю Харпер поднялся со своего кресла, стоящего у окна в гостиной крошечной квартиры, располагавшейся за книжным магазином. Положив руку на трость, он повернулся к ней. Уголки его рта приподнялись в мягкой улыбке.

– А вот и ты, Блайз. Я ждал тебя. Как хорошо ты выглядишь. Это новый костюм?

Сердце девушки забилося сильнее, она прошла по комнате и приблизилась к нему. Очень часто дедушка по ошибке принимал Натали за ее мать. Видимо, горе было таким сильным, что его слабеющий ум искал в Натали ее черты. Несмотря на то, что прошла уже неделя с момента катастрофы, он отказывался признавать, что его дочери – его единственного ребенка – больше нет.

Он не мог подниматься по лестнице и перебрался из старой квартиры, где он прожил почти всю свою жизнь, на первый этаж. Жилое помещение на первом этаже переделали из склада, который располагался за магазином. Несмотря на то, что поспешный ремонт не был идеальным, он избавил дедушку от переезда из квартиры, в которой он прожил всю жизнь. Хотя комната была тесной, из нее открывался вид на крошечный сад позади здания, на ворота, ведущие к сараю, и аллею. Мама говорила ей, что помещение нуждается в ремонте, и, осмотревшись, Натали придумала с полдюжины мелочей, которые сделали бы комнату красивее. Яркие краски. Книжный шкаф в пределах досягаемости. Может быть, сделать что-то с громадным старым радиатором, который со стоном возвращался к жизни зимой.

Только сейчас она поняла, как была занята мама, ухаживая за дедом. Теперь Натали придется взять на себя заботу о нем. Он уверял, что может о себе позаботиться, но она в это не верила.

В свете окна ее дедушка напоминал классического старика с картинки. Высокий и величественный, даже красивый в сшитом на заказ костюме и накрахмаленной белой рубашке, которую она выгладила прошлым вечером. Она знала, ему бы хотелось хорошо выглядеть на поминальной службе. Он беспомощно тянул себя за галстук.

– Помоги мне с этим, Блайз. Я не могу... Не знаю, как... – Его слова растворились в облаке смущения.

– Давай я помогу, – встав перед ним, она завязала галстук виндзорским узлом, которому дед сам научил ее несколько лет назад. Шелковый галстук – винтажный «Гермес» с блестящим принтом в виде солнечных часов. Натали представила, как мама нашла его в комиссионке, у нее был талант находить модные вещи по низким ценам.

– Это я, Натали, – сказала она хриплым от рыдания голосом. – Натали. Твоя внучка. – Казалось странным и ужасным представляться человеку, который когда-то знал тебя лучше тебя самой.

– Конечно, – согласился он. – Ты похожа на свою мать, а иногда мне кажется, что ты даже красивее. И моя прелестная дочь первая бы согласилась со мной.

– Сегодня поминальная служба по ней, – напомнила она ему, аккуратно завязывая галстук. Спустя неделю после катастрофы Натали все еще не могла осознать этот факт. Ей казалось, что она плывет сквозь туман горя и вины и просто пытается не утонуть. – У входа ждет машина.

– Машина...?

– Поминальная служба, – повторила она. – Вот почему мы все так одеты.

Он коснулся галстука и посмотрел на нее пустым взглядом.

– Мама умерла, дедуля. Я приехала сразу, как узнала, и пробыла здесь целую неделю. – Получив обескураживающее известие от авиакомпании Рика, Натали ощутила непреодолимое

желание убежать, сесть в машину, поехать напрямик в город, чтобы быть рядом с дедом. Она едва помнила дорогу, но продолжала переживать момент, в котором она рассказала ему о случившемся. Когда она вошла, его лицо просияло, она позволила ему несколько драгоценных секунд порадоваться приезду внучки, как он делал всегда с тех пор, как она переехала.

Затем она произнесла слова, которые показались нереальными.

– Мама погибла в авиакатастрофе.

Дедушка ничего не понимал, так же, как и Натали. Блайз не могла умереть. Как она могла уйти? Как ее могли украсть из этого мира?

Натали пришлось несколько раз объяснять ему прежде, чем он осознал происходящие и погрузился в глубокий ужас. Раскол – землетрясение. Огромный непреодолимый излом. Она слышала, как его бедное сердце разбивалось вдребезги.

Они плакали вместе, разрываемые на части общим горем. Спустя неделю она все еще ощущала эмоциональное опустошение.

Его проблемы с памятью усугубляли и без того ужасную ситуацию. Он начал терять себя по частям – кратковременную память, координацию движений, рациональное мышление. Доктор обозначил его диагноз как слабоумие на ранней стадии. Это означало, что оно будет прогрессировать. Будут прогрессировать потеря кратковременной памяти, заторможенность, галлюцинации. Мама Натали рассказывала, что иногда дедуля пугается и бывает в замешательстве, но в следующий раз кажется таким же, как прежде. После перелома бедра он похудел, страдал от головных болей, тремора и переутомления, которого доктор не мог объяснить.

Натали не была готова к тому, что будет так сложно. Каждый раз, когда он забывал, что его дочь погибла, ей приходилось напоминать ему об этом, что вновь оборачивалось для него ужасом. Неужели он снова и снова чувствовал ту же волну шока и горя? Неужели он заново ощущал эту боль? Больно было все время, но ничто не могло сравниться с первым ошеломляющим ударом от услышанных известий.

Он вздохнул. Его лицо не изменилось. Он не сделал ни одного движения. Но его темные глаза отражали такую невыразимую грусть, что Натали передернуло от боли.

– Я знаю, – прошептала она, взяв его за руку и проводив до двери. – Больно все время. Каждое мгновение.

– Да, – он сказал. – Боль – отражение того, как сильно мы любили ее.

– Ты всегда все мог выразить словами.

– Блайз считала, что это наследственное. Она читала дневники Коллин.

– Коллин? Ты имеешь в виду свою родственницу, которая умерла во время землетрясения?

– Бабушку, которую я не знал. Моему дорогому папе было всего шесть лет, когда он потерял ее и оказался в сиротском приюте. Он редко говорил об этом, но, я убежден, это преследовало его всю жизнь.

Натали заметила, что четче у дедушки были воспоминания о далеком прошлом, нежели о событиях пятиминутной давности.

– Я не знала, что у Коллин были дневники.

– Блайз нашла их не так давно. Я не знаю, что она сделала с ними. Она планирует переписать их и собрать в одну книгу.

Натали не стала объяснять, что этот момент никогда не наступит, ни завтра, никогда. Вполне возможно, дневники были всего лишь плодом воображения деда, как и все, что они знали о Коллин. Об О'Рурк было известно, что она иммигрировала из Ирландии, родила одного сына – отца дедушки, Джулиуса – и пропала навсегда во время землетрясения. Этот поворот судьбы навсегда изменил историю семьи.

«Почему это случилось с мамой и Риком? — задавалась вопросом Натали. — *Ирония судьбы?*» Или она сама срежиссировала эти события, когда пригласила маму на вечеринку на работе? Каждый день ей хотелось вернуть тот момент.

Она остановилась у вешалки в коридоре для привычной церемонии перед выходом. Сначала тонкий шейный платок. Потом пальто, черная фетровая шляпа, и наконец, трость. Зонт сегодня не нужен. Несмотря на то, что было туманно и влажно, дождя не было. Яркие желтые листья ранней осени легли ковром на тротуаре.

Дедушка придержал Натали дверь, и она шагнула вперед.

— Тебе нужна коляска?

Он засомневался, глядя на коляску, его лицо сморщилось от боли.

— Нет, — отказался он. — Я пойду пешком на поминки дочери и произнесу речь стоя.

Этот мужественный ответ едва не разорвал ей сердце. Она медленно прошла по узкому коридору мимо склада, забитого книгами, через задний кабинет и затем в книжный выставочный зал.

Когда Натали, была маленькой, она начинала свой день с прогулки по магазину, здороваясь со своими любимцами — с Ангелиной Балериной, Шарлоттой и Рамоной, Лили и ее пластовой сумочкой. А потом она убегала, чтобы успеть на школьный автобус. Теперь внутри и снаружи магазин был захламлен подарками и сочувственными записками знавших ее маму людей.

На входной двери висела табличка «*Закр*то» и напечатанное объявление о поминальной службе: «Празднование жизни Блайз Харпер».

Почему это так называется? Последнее, чего хочется скорбящей дочери, — так это праздника.

Она открыла дверь и расчистила путь, заваленный сувенирами, которые оставляли люди, — букеты цветов, романы с загнутыми страницами и памятные вещи, свечи и рисунки, открытки. Книжный магазин «Бюро Находок» находился на Пердита-стрит, сколько Натали себя помнила, и внезапная кончина его владелицы вызвала бурю эмоций.

Что будет после всех этих соболезнований — об этом Натали не задумывалась. Кто соберет поникшие цветы, мокрые от дождя листья со стихами, выцветшие фотографии, свечи?

В ожидавшей их черной машине пахло дезодорантом. Водитель помог дедушке сесть на заднее сиденье. На дороге, несмотря на утро субботы, были пробки, и во Флад Мэншн они скорее ползли, чем ехали. Их путь пролегал сквозь туман, мимо деревьев, скрученных и изогнутых ветром, и вдоль косого ряда крыш домов, напоминавших викторианских раскрашенных дам. Вагоны фуникулера, трезвоня, пролетали мимо шумных кафе и магазинов. Поднявшись наверх, они вышли из тумана и оказались в другом микроклимате небесной чистоты, их взору открылись великолепные городские пейзажи.

Это был город Блайз Харпер, полуостров, увенчанный сорока тремя холмами и окруженный водой; место, которое она поклялась никогда не покидать. Но все же покинула, чтобы никогда не вернуться, и теперь Натали и Эндрю приходилось искать путь в темном лабиринте неожиданного горя.

— Она сказала, что вернется в пятницу вечером, — сказал дедушка, его глаза вновь затуманились.

— Таков был ее план, — подтвердила Натали.

— Что, черт возьми, случилось?

У Натали пересохло во рту. Она ничего не ответила.

— Нэтти, — назвал он ее семейным прозвищем. — Я, знаю, забывчив, но я заслуживаю знать правду.

Она кивнула. Она уже говорила. Но ему нужно было услышать это снова.

– Мне очень жаль, дедуля. Трудно говорить об этом, потому что мне кажется, это произошло из-за меня. Я хотела, чтобы мама приехала на дурацкую вечеринку в нашей компании. Не знала, что они с Риком хотели удивить меня, появившись вместе. Он сказал мне, что у него испытательный полет, но это было всего лишь уловкой. Вместо этого он прилетел сюда и забрал ее с пирса 39. Они должны были приземлиться на аэродроме Архангела около трех дня и застать меня врасплох в офисе. Но во время полета что-то пошло не так.

– Твой Рик опытный пилот.

Она сложила руки вместе и сжала их до боли.

– Да, был. Ох, дедуля. – Она вспомнила, как на секунду решила, что пассажирка в самолете была его любовницей. Как ужасно подумать так о человеке, который пытался сделать ее счастливой.

Поминальная служба по Рiku прошла днем ранее в Петалуме. Натали заставила себя прийти, стойко выдержав церемонию. В каждой прощальной речи говорили о его компетентности и профессионализме.

– Если он был таким экспертом, то как он мог разбиться? – удивился дедушка.

– Расследование все еще ведется, – ответила Натали. – Она просмотрела предварительные отчеты: можно подумать, если они установят точные причины случившегося, трагедия станет менее разрушительной. Согласно докладу, пилот использовал новый легкий спортивный самолет-амфибию. Небольшой самолет летел слишком низко и, вероятно, из-за тумана по ошибке попал в каньон. Следователи предположили, что пилот решил, что находится в другом каньоне, который вел к более открытому участку озера. Прямо перед катастрофой местный рыбак заметил самолет над озером. Как только Рик осознал, что из каньона выхода нет, он попытался развернуться на 180 градусов, чтобы вылететь. Но из-за технических ограничений самолет не смог подняться над крутой местностью. Рыбак сообщил о том, что видел самолет примерно в пятидесяти футах над водой.

«Когда самолет снизился, я помахал пилоту, он помахал в ответ, – сказал свидетель. – Казалось, что все нормально. Я решил, что они просто кружат над озером или готовятся к посадке на воду. Через несколько секунд я услышал, как они режут и разгоняются. Мне кажется, он пытался развернуться».

Самолет исчез из поля зрения, а потом мужчина услышал громкий хлопок. Он сразу понял, что самолет рухнул. Он помчался на лодке искать место падения. Приблизившись к небольшой бухте, он заметил обломки, ответа на его крики не последовало. Он позвонил 911.

Чиновники и спасатели прибыли на место крушения. Они предположили, что Рик ошибочно принял один каньон за другой из-за морского слоя. Когда он понял, что ошибся, места для подъема уже не хватило. Он сделал крутой вираж, чтобы избежать столкновения со скалой, но самолет упал на край озера.

Натали вздрогнула, представляя эту картину. Снова и снова она прокручивала в голове последние секунды, пытаясь представить, что чувствовала ее мама – осознание происходящего, панику, ужас. Она рассказала дедушке все, что узнала, но не стала делиться подробностями, всеми подробностями, что были в отчете. Кровь. Неподвижные тела, найденные рыбаком.

– Они оба погибли при ударе, – сообщила она ему.

Дедушка наклонился и взял ее руку.

– Я не был знаком с твоим Риком лично. И жалею об этом.

– Что это?

Она сунула руку в сумочку.

– Это нашли в кармане его летного жилета. Она протянула маленькую коробочку дедушке.

– Кольцо с бриллиантом, – он взял его дрожащей рукой.

– Рик собирался удивить меня предложением руки и сердца, – сказала Натали. – Полагаю, он хотел, чтобы мама была рядом, когда он будет делать предложение.

– Да, так он планировал, – кивнул дедушка. – Он так сказал, когда мы говорили по телефону...

– Ты говорил с ним? – Натали почувствовала приступ тошноты.

– Конечно, говорил. Он рассказал мне, что собирается сделать. Он не спрашивал моего разрешения, просто хотел, чтобы я знал, что он любит тебя. Он хотел связать с тобой свою жизнь.

Она не могла вымолвить ни слова. В горле застрял ком. Натали выдохнула.

– Он сказал тебе и маме? Ты знал? – Не может этого быть. Может быть, это плод воображения больного дедушки?

– Он собирался сделать тебе предложение и вернуться с тобой и мамой в город. Забронировал вам номер на двоих в отеле «Четыре сезона» на Ноб Хилл. Я был невероятно рад тому, что такой замечательный молодой человек хочет на тебе жениться. Мне и в голову не могло прийти, что что-то может пойти не так.

Натали убрала кольцо.

– Я не знаю, что делать, дедуля. Что же мне делать?

Он рассеянно смотрел на нее. Это был один из тех моментов, когда он впадал в забытие. Она поняла это по отрешенному взгляду, нервным движениям рук, непроницаемому выражению лица.

Понимая, что теперь она осталась один на один со всем этим, Натали стала вглядываться в окно автомобиля. Пока Рик планировал сделать ей неожиданное предложение и подарить романтическую поездку, она обдумывала, как бы вежливо с ним порвать. В тот самый момент, когда он летел вместе с ее матерью и дорогим обручальным кольцом в кармане, Натали представляла свою жизнь без него.

Ей казалось, они оба прекрасно понимали, что их отношения закончились. Она ждала, что он первым позвонит, чтобы сообщить о расставании. Но вместо этого он купил кольцо с бриллиантом. Планировал неожиданное предложение и романтический уикенд.

Брак.

Сюрприз.

Какой ужас. Как она могла так просчитаться?

Поминальная служба по Риду была болезненной до скрежета зубов. Все члены его семьи оказались очень милыми и считали Натали такой же. Вот только она милой не была. Неужели этого не видно?

Его сестра протянула ей коробочку с кольцом.

– Он очень любил тебя и наверняка хотел бы, чтобы оно осталось у тебя.

Натали не могла прикоснуться к кольцу, которое уютно устроилось на бархатной подложке.

– Пожалуйста, я не могу.

– Я понимаю, ты сейчас в расстроенных чувствах. Но ты неправильно рассуждаешь, – Ронда положила коробочку в сумку Натали. – Тебе никогда не придется его носить в знак помолвки. Можешь носить его как обычное кольцо, или сделать из него что-то другое. А можешь продать и на вырученные деньги купить что-то нужное. Риду бы это понравилось.

– Это неправильно, – возразила Натали.

– Во всей этой ситуации нет ничего правильного, – голос Ронды сорвался, и она робко обняла Натали. – Мне жаль, что мы так и не стали сестрами.

Натали чувствовала себя чудовищем.

Она была чудовищем.

Машина подъехала к Флад Мэншн, особняку, возвышающемуся на холме, с которого открывался великолепный вид на окрестности залива – на сам залив, на мост Золотые Ворота, и на холмы графства Мэрин.

– У этого здания романтическая история, – сказал дедушка, прерывая молчание. – После Великого землетрясения и пожара Мауд Флад так боялась огня, что ее муж построил для нее гигантский мраморный дом на вершине этого холма. Он хотел подарить ей надежное жилище, сделанное из камня, чтобы она чувствовала себя в безопасности.

– Вот что значит хороший муж, – ответила Натали. Из Рика бы вышел хороший муж, подумала она, ощутив чувство вины. Он был заботливым и осмотрительным, знал, как вести дела. Он был надежный и стабильный, два ее любимых качества не только в людях, но и в жизни.

Пара служащих в белых перчатках придержали дверь для нее и деда. Кто-то в фойе отнес их пальто и шляпу в гардеробную. Красивый плакат на мольберте приветствовал гостей на «Празднике жизни Блайз Харпер».

Голос Брайана Ферри, исполнявшего «Авалон», разносился из колонок, окутывая, как туман. Мама любила «Рокси Мьюзик». Несколько дней назад бессонной ночью Натали собрала плейлист из медиатеки Блайз.

Натали чуть не споткнулась, проходя мимо фотографий, выставленных в ротонде. Скорбь была подобна удару под дых. Агония, от которой невозможно дышать, выворачивала ее наизнанку. Она бы не смогла идти, если бы не дедушка. Несмотря на то, что двигался он медленно и опирался на трость, он по-прежнему был высоким и сильным. Из-за бесследно исчезнувшего отца дедуле пришлось стать главным мужчиной ее жизни, за что она каждый день благодарила судьбу.

Перерыв вместе с дедулей и сотрудниками магазина кучу альбомов, она нашла много маминых фотографий. Их отправили в студию, специализирующуюся на печати широкоформатных изображений. В результате получилась прекрасная галерея портретов, в которых отражалась вся красота души Блайз.

Вот маленькая девочка из семидесятых собирает ягоды на какой-то ферме. А здесь – юная девушка, гордо позирующая в шляпе и халате на пляже Берkeley-блю и Калифорния-голд. Невероятно молодая мама, окруженная призрачным светом, на руках у нее маленькая дочь, а на лице – выражение одновременно и гордости, и страха. Женщина, изящная, как кошка, стоящая в дверном проеме книжного магазина «Бюро Находок», во всей своей восхитительной живости. Дочь, с мягким взглядом, нежно обнимающая своего пожилого отца.

Последним шел самый любимый портрет Натали. Никто не знал, кто сфотографировал Блайз, стоящую на пляже в Форт Фунстоне на юго-западе города, глядящую вдаль с загадочным выражением лица. Несмотря на жизнерадостный дух, за который все любили Блайз, Натали все же считала ее немного меланхоличной. Повзрослев, она стала понимать, что до конца так и не знает мать. А теперь было слишком поздно.

Но еще больше, чем фотогалерея, ее трогало то, сколько народу пришло. Когда Натали с дедушкой шли к своим местам, он сказал:

– Я всегда представлял, как провожу свою дочь к алтарю, а не в последний путь

Она едва не споткнулась, услышав эти слова. Только желание поддержать его помогло устоять на ногах. Несмотря на то, что зал был забит до отказа, люди все подтягивались. Бархатная веревка перегораживала первый ряд, отделяя несколько мест с табличкой «*Зарезервировано для семьи*».

На самом деле им требовалось всего два места – для нее и для дедушки. Мать Блайз ушла из семьи, оставив после себя только страдания и скандалы, когда дочь была еще ребенком. Что

касается отца Натали, Дина Фогарти, скорее всего, про службу он слышал, но его на ней, как и во всей жизни Натали, не было.

Их семья состояла из трех человек. А сейчас, неожиданно, их стало двое. Натали и дедуля. Да и дедушка, кажется, ускользает от нее понемногу, разрывая ей сердце.

Она узнала многих – друзья мамы, постоянные покупатели, которые с годами тоже стали друзьями, даже торговые представители нью-йоркских издательств, зависевшие от ее вкуса и мнения. Были авторы, чьи книги стояли на ее полках, местные торговцы и соседи по тенистой улице Пердита, и знакомые, которые появились за эти годы.

Люди, сидящие по обеим сторонам прохода, неловко махали ей, прикладывали руку к сердцу в знак сочувствия.

Никто не знал, что нужно говорить в таких случаях. Натали и сама не знала. Ей было очень трудно встречаться с ними взглядом, она чувствовала необъяснимый стыд или даже вину.

Они заняли свои места, перед трибуной, украшенной венками из местных сладко пахнущих лилий и осенних хризантем с фермы «Боннер Флаувер» в Гленмуире, естественных и долго не увядающих, именно таких, какие бы хотела видеть мама.

Над головой висели буддийские молитвенные флаги. Мама никогда не придерживалась определенных догм, она утверждала, что организованная религия – причина насилия и мировых разногласий. Тем не менее, она часто говорила о своих любимых религиозных книгах, включая Благодородный «восьмеричный» путь буддизма, и с радостью признавала, что ей импонируют миролюбивые и ненасильственные принципы буддизма.

Урну с прахом заслонял другой, самый большой портрет Блайз Харпер. Его выбрала Натали. На нем Блайз сидела на своем любимом месте в книжном магазине – в мягком кресле, заваленном подушками, в углу возле кружевной занавески у витрины. Мягкий свет, струящийся сквозь старинные кружева, освещал правильные черты ее лица, обрамленного тонкими темными кудрями, улыбку и глаза, полные энергии. На коленях Блайз держала свой любимый сборник стихов Мэри Оливер. Подпись под фото была цитатой из известного стихотворения: «Скажи, что ты планируешь сделать со своей единственной, безумной и драгоценной жизнью?».

Цитату тоже выбирала Натали.

Дедушка прислонил трость к спинке стула и уставился вперед.

Натали обняла его за плечи и задумалась, когда она перестанет себя чувствовать так, будто сейчас расплчется.

– Как ты?

– Стараюсь быть спокойным, – просто сказал он.

Его давний друг, Чарли Вонг, в красивом черном жакете с воротником Неру, подошел и сел рядом с ним. Чарли наклонился вперед и коротко кивнул Натали. Он, как обычно, улыбался, но глаза его оставались печальны. Пожилой художник знал Эндрю с детства. Много лет назад Чарли расписал здание книжного магазина, который тогда еще был машинописным бюро дедушки. Теперь старики встречались несколько раз в неделю, ходили на обед к дочери Чарли или играли в местном центре для пожилых.

Тэсс и Доминик заняли места позади Натали. Тэсс наклонилась вперед и сжала ее плечо. Натали в ответ похлопала ее по руке.

Клео и Берти, работавшие в книжном магазине, заняли свои места с другой стороны от Натали.

– Привет, ребята, – прошептала она. – Спасибо, что пришли.

– Ты как, держишься? – спросил Берти. – Прости за банальность, но я, правда, переживаю, милая. – Начинающий актер, он был пластичным и грациозным, его тело выражало чувства без слов – наклоном головы, поворотом плеч. Берти был умным, смешным и меланхолич-

ным, он мечтал исполнять главные роли в лучших театральных постановках. Он любил ее мать, которая поощряла его актерскую карьеру, отпуская его на прослушивания и репетиции, когда было нужно.

– Мы с дедулей поддерживаем друг друга, – ответила Натали. – Если честно, у меня еще никогда так не разрывалось сердце. Теперь я знаю, как это бывает.

Тусклые глаза Клео были наполнены грустью. Она кивнула и коснулась платочком щеки. – Ты так сильно на нее похожа.

– Правда?

Берти наклонился вперед.

– Да, черт возьми.

Клео была ровесницей Натали и приходилась племянницей Мэй Лин – женщине, которую дедушка любил большую часть жизни, и это делало ее практически членом семьи. Девочки вместе играли на Портсмут Сквер под присмотром китайских и американских дедушек и бабушек, которые попивали чай с молоком и играли в настольные игры. Мэй приносила им мягкие булочки со сладкой кокосовой начинкой, а когда шел дождь, они забегали в антикварные лавки или на фабрику печенья «Золотые Ворота», где сладкий аромат будоражил их сознание.

Клео была второй помощницей Блайз, она помогала управлять магазином, а в свободное время писала пьесы.

Натали откинулась на спинку кресла и попыталась сосредоточиться на фотогалерее. Портреты расплывались у нее перед глазами, словно акварельные картинки.

Фрида Миллс, давняя подруга Блайз, вызвалась начать службу. Она поднялась к трибуне. Ее растрепанные волосы с проседью напоминали нимб, сияющий над ее маленьким осунувшимся лицом.

Музыка стихла, пока Фрида поправляла микрофон, надев очки в металлической оправе.

– Доброе утро и добро пожаловать, – сказала она. – От лица Натали и Эндрю Харперов я хочу поблагодарить вас за то, что пришли.

Она взглянула на записи, лежавшие на трибуне.

– Я знаю Блайз с первого курса колледжа. Она была моей соседкой по комнате, с которой меньше всего хотелось жить, – неряшливая и болтливая, симпатичнее меня, вечно опаздывающая, постоянно в движении, захламляющая все вокруг. Она сказала это с улыбкой, но ее губы задрожали, когда она сделала паузу и глубоко вздохнула.

– Несмотря на все это, или, может быть, благодаря этому, я любила ее как сестру. Мы вместе отмечали праздники, вместе воспитывали детей.

Оба сына Фриды время от времени приглашали Натали на танцы и вечеринки. Она подозревала, что мамы пытаются их свести.

– А потом появились книги, – продолжала Фрида. – Даже в колледже у нее было так много книг, что мы использовали их в качестве мебели – табуретов, скамеек, тумбочек, полок для других книг.

Натали с легкостью могла все это представить. Когда она была совсем маленькой, мама рассказывала ей, что книги живые. Под обложками герои жили своей жизнью, разыгрывали драмы, влюблялись и расставались, попадали в беду, решали проблемы. Даже стоя закрытой на полке, книга жила своей жизнью. Но когда кто-нибудь открывал ее, случалось волшебство.

– Моя подруга Блайз часто называла свою жизнь большим приключением, – говорила Фрида. – Книги были ее страстью, поэтому я хочу поделиться с вами одной из ее любимых.

Она надела очки для чтения и открыла изрядно потрепанный томик «Паутины Шарлотты».

Отрывок из классического романа завершался известными словами Шарлотты: «В конце концов, что такое жизнь? Мы рождаемся, мы живем недолго, мы умираем».

Натали слышала эту фразу много раз, но теперь ее особенно тронуло мудрое высказывание девочки. Ей бы очень хотелось надеяться, что мама ушла с таким же спокойствием и принятием реальности. «Но, – с горечью подумала она, – это невозможно, с учетом той смерти, которой она умерла». Представляя последние минуты маминой жизни, Натали стала сомневаться, что выдержит эту церемонию, не развалившись на куски.

Другие ораторы тоже вспоминали мать. Надрывными голосами они рассказывали, как искали книги вместе с начитанным продавцом, или как отдыхали в крошечном кафе и наслаждались обществом Блайз. Это были душевные и честные слова от людей, к чьей жизни она имела отношение. Несмотря на потрясение и горе к Натали пришло понимание того, почему мама была так предана магазину.

За чтением и речами последовала песня, которую предложили спеть всем вместе. Слова были напечатаны в программе. «Нет дождя» Блайнд Мелон была любимой песней Блайз, она выражала восторг от побега из реальности в мир книг. Женщина, играющая на гитаре, связалась с Натали и Фридой, когда те составляли программу, и сама попросилась выступить на вечере Блайз. Она была постоянным клиентом магазина, играла в местном ансамбле, который выступал по всему городу. Женщина сказала, что Блайз часто приходила в клуб «Будучи там», чтобы послушать ее игру.

Пока Натали пела хриплым голосом, она жалела о том, что не может сделать того, о чем пелось в песне – *«Исчезнуть, исчезнуть, исчезнуть»*.

* * *

Эндрю Харпер чувствовал мягкое прикосновение музыки, пока ждал. Ждал чего?

Мысли хаотично метались в поисках ответа. Это сложный процесс, все равно что ловить весной головастика на мелководье в пруду. Он взглянул на молодую женщину, сидевшую рядом с ним. У нее была бледная кожа и темные волнистые волосы, а лицо было таким красивым и печальным, что его сердце грозило разлететься на части.

С возрастом Эндрю научился обращать внимание на детали, которых раньше не замечал – звуки и запахи, цвета и мимолетные образы. В последнее время странные приступы забывчивости случались все чаще и чаще. Ему стало все сложнее концентрироваться на чем-то одном – звуке голоса или странице книги. Выйти на улицу было все равно что попасть на шумную арену, переполненную оглушающей какофонией звуков.

Он собрался с мыслями. Ему придется учиться думать иначе.

Утром он пропустил прием лекарств, хотя знал, что доктору Янг это бы не понравилось. Таблетки помогали справиться с перевозбуждением. Может, от них и была польза, но сегодня ему требовалась ясная голова, а от таблеток хотелось спать. Он не должен был встречать этот день в полусонном состоянии.

Это был важный день. Вот только он не мог вспомнить почему.

Эндрю чувствовал, как грустная молодая женщина смотрит на него глазами, в которых застыло горе. Он посмотрел на распечатанную программу в руках. Прекрасная толстая бумага, отпечатанная типографской машиной, в подвале книжного магазина. После того, как он закрыл свой бизнес по ремонту печатных машинок и открыл книжный магазин вместе с Блайз, никто не хотел перевозить этот тяжелый механизм. В итоге они оставили его и изредка пользовались, чтобы распечатать что-то особенное – объявление о рождении Натали, о большом открытии книжного магазина тридцать лет назад или о выставке в галерее Чарли Вонга. Эндрю частенько говорил Натали, что состарится, пока дождется объявления о ее замужестве.

Это всегда смешило ее, она отвечала, что он слишком задрал планку, что она никогда не сможет найти мужчину, который сравнится с ним. После того, что произошло с отцом Натали, Эндрю был рад, что она вообще может смеяться.

В одно мгновение ситуация прояснилась. Девушкой рядом с ним была его внучка Натали. Ее забота окружала его, легкая, как прикосновение крылышек мотылька, как если бы Мэй Лин посыпала его своей пудрой. Это было давно, когда она жила с ним и они были счастливы.

Он заставил себя улыбнуться Блайз. Нет, не Блайз. Натали. Блайз исчезла, внезапно и безвозвратно, подобно снежинкам, улетевшим в ночное небо, оставив за собой след из залитых лунным светом частиц, которые кружились и исчезали.

Приятную мелодичную песню он слышал по радио у Блайз много раз, поэтому знал, когда она закончится. Эндрю снова достал носовой платок и посмотрел на Натали – воплощение тихой грусти рядом с ним.

Лицо внучки выражало все, что они оба чувствовали. В ее глазах застыла его боль. Потрясение и горе от потери Блайз были такими глубокими и сильными, что казалось, они наедине с этими разрушительными эмоциями.

Натали заметила его волнение и взяла его за руку. Наклонившись, она прошептала:

– С тобой все в порядке?

Нет, подумал он. Родители не должны жить дольше своих детей.

– Да, – солгал он в ответ.

– Если ты не хочешь говорить... если это слишком для тебя...

Он сжал ее руку.

– Я знаю, что хочу сказать сегодня.

– Ты сильный человек, дедуля. Я так рада, что ты у меня есть.

– А ты у меня.

Он сидел тихо, пока выступал очередной человек. Старался обдумать все, что хочет сказать. То, что ему нужно было сказать.

Как можно почтить жизнь человека в пятиминутной речи?

Как и у любого человека в его возрасте, в его жизни было много потерь. Давным-давно Лавиния ушла от него в объятья человека, пообещавшего ей лучшую жизнь. Мэй Лин пришла в его жизнь совсем ненадолго, принесла ему радость, которую он так долго ждал, и умерла у него на руках в прошлом году.

Может, это и стало началом его болезни. Доктор Янг назвал это упадком. Постепенный спуск по склону жизни в небытие.

Эндрю не мог сказать точно, когда память начала сдавать, а в голове поселился хаос. Наверное, где-то после перелома бедра. До этого, и даже во время пребывания в больнице и на реабилитации, все было четко и ясно.

После того, как реабилитация закончилась и Эндрю вернулся на Пердита-стрит, он обнаружил, что Блайз перевезла его вещи на первый этаж. Теперь про ступеньки не могло быть и речи. Комната возле сада была когда-то кладовкой для аптечных настоек, лекарств и трав его отца. Позже Эндрю заполонил пространство инструментами, относящимися к его профессии: столярским растворителем, щетками, крошечными пинцетами, смазочными материалами и очистителями для ремонта печатных машинок.

Теперь это стала его комната, потому что он был слишком слаб, чтобы подниматься по лестнице. Как только он поселился в своем новом жилище, туман в голове стал сгущаться. На него наваливалась усталость, желудок расстраивался от всего, что бы он ни ел. Дни стали ускользать, а жизнь опустела. Он стал призраком в собственном мире, он словно наблюдал за происходящим сквозь искажающее стекло.

В какой-то момент он перестал быть тем гордым человеком, который с важным видом расхаживал по району, точно петух на прогулке. В те дни он бродил в поисках выхода, и потом спрашивал сам себя – выхода откуда? Он хотел пойти домой. Потом вспоминал, что уже дома.

Он был странником. То Одиссеем, в другой раз древним мореплавателем или простым человеком, как Том Джоад, или искателем, путешествующим автостопом, как Дуглас Адамс.

Он все время искал прошлое, существовавшее только внутри его самого. Он искал цветочные поляны, высокие утесы, торчащие из океанов, и горные вершины, рассекающие облака.

Он всегда умудрялся вернуться назад, потому что знал, что нужен.

Возможно, он странствовал в своем воображении, потому что провел всю свою жизнь в одном месте – в магазине на Пердита-стрит. Он жил там вместе с родителями, пока был маленьким. Потом с Лавинией, которая предала его. Потом с Блайз, которую воспитывал без жены. А теперь ему приходилось хоронить свою дочь без чьей-либо помощи.

* * *

Речь закончилась, и из колонок зазвучала музыка. Пришел черед Эндрю. Под руку с Натали и с тросточкой в руке он направился к трибуне. Развернулся к внучке, давая понять, что с ним все в порядке, он может самостоятельно стоять. Мужчина отложил в сторону трость. Самое малое, что он мог сделать для своей дочери, – это стоять.

Он снял очки и сунул их в нагрудный карман. Ему не нужны были подсказки. Когда говоришь от всего сердца, тексты не нужны.

– В день, когда родилась моя прекрасная дочь Блайз, она стала частью моей жизни, и мы шли с ней вместе, пока...пока... не случилось немыслимое. Не будем говорить о ее смерти. Давайте поговорим о ее жизненном пути.

Ему пришлось сделать паузу, от отчаяния перехватило дыхание. «Отдохни, – сказал он сам себе. – И расскажи о Блайз, которая не может больше говорить сама».

– Что я могу рассказать вам о своем ребенке, которого больше нет?

Он услышал несколько сдавленных всхлипов.

– Скажу, что она прожила счастливую жизнь. Скажу, что ее жизнь была слишком короткой, а моя слишком длинной. Я думал, что в своем возрасте знаю, что такое горе. За все прожитые годы я научился терять людей – родителей, близких друзей, любимую женщину. Но только в день, когда ужасная трагедия унесла мою дочь, я понял, каким глубоким и опустошающим может быть горе.

Он замолчал, услышав тихие всхлипы Натали.

– Это все, что я скажу о своих чувствах, потому что сегодня мы говорим не обо мне, а о моей дочери Блайз Харпер. В день, когда она родилась, она изменила мою жизнь. В день, когда ушла, оставила неизгладимый след в душе каждого из нас. А между этими двумя днями пронеслась ее замечательная жизнь.

Глава 4

Жена Эндрю Харпера ушла в понедельник. Он запомнил, что это был понедельник, потому что именно в этот день Мэй Лин приносила постиранное белье, аккуратно сложенное и завернутое в бумагу. Потом она забирала собранную за неделю сумку с надписью *Харпер* и китайскими иероглифами.

Без вещей Лавинии сумка с грязным бельем стала значительно меньше. Жена упаковала все свои вещи в потрепанный чемодан, который заставила его вытащить из подвала. Чемодан был семейной реликвией и принадлежал Коллин О'Рурк, бабушке, которую Эндрю никогда не знал. Коллин эмигрировала из Ирландии в 1880-х, в одиночестве, в возрасте пятнадцати лет. Она нашла работу горничной в том самом здании, где сейчас располагался книжный магазин.

Теперь ее чемодан будет путешествовать с красавицей Лавинией, и не на корабле, а на поезде в Лос-Анджелес, где ее ждет богатый любовник, который обещал подарить ей жизнь, которую она заслуживала.

Ее прощание с Эндрю и Блайз было кратким.

– Я не могу быть здесь счастливой, – сообщила она в понедельник утром, пока водитель такси грузил ее чемодан в багажник своего громоздкого плимута. – Вам будет лучше без меня.

Блайз, которой было меньше года, все еще была в пеленках, что-то вякала и хлопала в ладоши, струйка ее слюны стекала на рукав Эндрю. По радио передавали глупую песню Сонни и Шер «I Got You, Babe». Малышка протянула обе ручки к матери. Лавиния помолчала, но недолгое сомнение в ее глазах быстро сменилось ледяной решимостью.

– Будьте здоровы, – сказала она и ушла.

Через несколько минут появилась Мэй Лин со свежим бельем. Эндрю все еще стоял в оцепенении посреди магазина, окруженный печатными машинками и кассовыми чеками своих заказчиков, с Блайз, которая прижималась к его груди.

Вид Мэй Лин заставил его очнуться. Он и Мэй влюбились друг в друга еще подростками, но ее семья запрещала ей встречаться с Эндрю, он был *gweilo*¹. Его родители не запрещали, но предупреждали, что ему будет сложно с американкой китайского происхождения. Мэй Лин вышла по расчету за престарелого китайца, выходца из того же региона в Китае, где жил и ее отец. Он владел прачечной, не хватало только жены.

Убитый горем, Эндрю искал утешения в объятиях Лавинии. Она была потрясающе красива. Когда она забеременела, он оказался настолько глуп, что принял чувство долга за любовь.

Они редко разговаривали с Мэй, когда виделись раз в неделю. Им не нужны были слова, они говорили сердцем.

Впрочем, он не жалел о том, что все так сложилось. У него был лучший в мире ребенок и достаточно здравого смысла, чтобы понимать, что любовь приходит внезапно. Лавиния ушла, но оставила лучшую часть себя. Лучшую часть их обоих.

* * *

– Нас было только двое, – обратился Эндрю к людям, собравшимся на поминальной службе по Блайз. Их лица расплывались у него перед глазами, но воспоминания сохраняли четкость. – Она стала моей ежедневной радостью. Сейчас в это трудно поверить, но было время, когда магазин «Бюро Находок» представлял собой выставочный зал пишущих машинок и мастерскую с типографией в подвале. Я зарабатывал на жизнь, ремонтируя вещи, вещи

¹ В кантонском диалекте Китая, на котором говорят в Гонконге и Гуанчжоу, так называют белых европейцев.

писателей. Открыть книжный магазин было идеей Блайз, и это стало большим приключением для нас обоих.

В день, когда Блайз уехала в колледж, Эндрю думал, что умрет от тоски по ней. Колледж располагался на другом берегу залива, в Беркли, с таким же успехом он мог находиться в Тимбукту, одинокому сердцу было бы все равно. Он по-настоящему жил только на выходных, когда она приезжала с полной головой блестящих идей и кучей грязного белья в выцветшей сумке, все еще помеченной их фамилией и китайскими иероглифами. Из-за компьютерной революции его бизнес, связанный с печатными машинками, пришел в упадок. Большую часть времени он проводил за чтением старых книг. Он научился мастерски реставрировать старинные издания, которые выставлял в витрине своей мастерской. Иногда коллекционеры покупали какую-нибудь книгу, и со временем это занятие стало чем-то большим, чем хобби.

Четыре года спустя Блайз вернулась домой со степенью бакалавра, разбитым сердцем и незапланированной беременностью. Она слезно покаялась, что влюбилась в преподавателя, который обещал подарить ей весь мир. Она верила ему, представляя великолепную жизнь, полную приключений, с молодым, красивым соискателем докторской степени.

Ну а потом она узнала, что мужчина женат и у него трое детей. Он дал Блайз деньги на аборт и попросил больше не звонить ему.

Секрет Эндрю заключался в том, что на самом деле он даже был благодарен Дину Фогарти. Человек, разбивший сердце его дочери, подарил Эндрю новый смысл жизни. Блайз нужно было как-то обеспечить себя и своего ребенка. А Эндрю нуждался в свежем ветре, который бы переменял его жизнь. Вместе они открыли книжный магазин, надеясь обеспечить достойное будущее себе и маленькой Натали.

Он вновь посмотрел на собравшихся и попытался сконцентрироваться на настоящем. Знакомые лица, имена, затерянные в сознании. Были здесь и призраки, люди, которые давно ушли, но по-прежнему жили в его голове. «Пожалуйста, пусть так и будет», – подумал он.

Оставшаяся часть его речи была краткой, он рассказал, что больше всего любил в Блайз и чего ему будет не хватать. Он знал, что слов недостаточно, но только с их помощью он мог отдать дань уважения своей первой и единственной дочери.

– Я абсолютно уверен, что не смогу никогда засмеяться, не услышав ее смеха. Я никогда не улыбнусь, не увидев ее лучезарную улыбку. Я благодарен всем вам за то, что были частью ее блестящей жизни. Мне жаль тех, кто не успел познакомиться с этим исключительным человеком.

Удушливая печаль сжала его грудь, и он сделал паузу, потом заговорил опять.

– Через секунду вы услышите другого исключительного человека. Из всех подарков, которые моя дочь преподнесла этому миру, самым лучшим стала ее дочь Натали.

Эндрю держал себя в руках, отступая назад, несмотря на то, что его колени дрожали. Когда заиграла новая песня, Натали проводила его до кресла, и он с достоинством опустился на свое место.

– Я следующая, – сказала она, – понятия не имею, как это сделать.

Слезы безудержно текли по ее щекам, оставляя серебристые следы, покрывавшие болезненно-прекрасное лицо. Лицо Блайз. Они так похожи, наверное, поэтому он путал их иногда. Он крепко сжал трость, когда заиграла «What a Wonderful World». На самом деле, ему не нужна была трость, это, скорее, вошло в привычку. Это был крючок, который не давал ему уплыть навсегда на волнах невыразимой печали.

Ожидая своей речи, Натали не пела вместе со всеми. Вместо этого она путешествовала во времени, пытаясь найти свою мать в другом мире, пытаясь вернуть ее назад.

Когда Натали была маленькой, мама стала для нее центром вселенной. Она стала безудержной силой, наполняющей ее жизнь идеями и книгами.

Даже в очень раннем возрасте Натали понимала, что это необычно. Их семья необычная.

Она помнила момент в четвертом классе, когда после урока у миссис Блессинг, она вернулась домой в недоумении.

– Мы делали в школе семейное древо, – поделилась она с матерью, – мое мне кажется странным.

– Почему ты считаешь его странным? – когда разговор касался чувств, мама часто отвечала Натали вопросом на вопрос. Она перечитала тонны книг для родителей и почерпнула из них всевозможные идеи.

– Кайла говорит, что мы живем не так, как все. Она рассказала всем на перемене, что это означает, что мы чудики.

– Ты говоришь так, словно это что-то плохое, – ответила мама, поглаживая страницы старинной книги. Она любила выставлять самые необычные коллекционные экземпляры в освещенной стеклянной витрине. Люди, которые хотели взглянуть на них поближе, должны были спросить разрешения и надеть белые перчатки.

– Это хорошо? – спросила Натали.

– Это, – сказала мама, подняв, наконец, глаза, – не ее собачье дело.

Натали всегда испытывала тайный восторг, когда мама ругалась. Она делала это не часто, потому что слишком много ругательств ослабляло эффект.

– Можно я ей об этом скажу?

– Конечно, но вообще постарайся не реагировать. – Мама аккуратно положила книгу в шкаф, раскрыв на странице с иллюстрацией, изображавшей птицу. Она прошла в ту часть зала, где они продавали кофе, взяла для Натали печенье из «Шугера», пекарни через улицу, и налила ей стакан холодного молока. Это был их ежедневный полуденный ритуал, когда Натали приходила со школы.

Мама поставила поднос на крошечный кофейный столик. Она часто говорила, что хочет выделить больше места для кафе, но не хотела жертвовать пространством для книг.

– Я люблю нашу семью. И я знаю, что ты тоже любишь. То, что мы не такие как все, еще не означает, что мы чудики.

Натали ездила в школу на автобусе. У некоторых ее друзей были машины, некоторые ездили с водителями. У мамы не было даже машины. У всех друзей Натали были отцы. Или отчимы. Или две мамы. Или два папы. Она же за все время встречала своего биологического отца всего пару раз. Его звали Дин Фогарти, и он ей не очень понравился. Может быть потому, что ему не нравилась она. Мама называла его своей самой большой ошибкой, в результате которой получилось ее самое великое достижение. «Он дал мне тебя, Ната, – часто повторяла мама. – И потому я ни о чем не жалею.»

Натали не могла поверить в то, что она чье-то величайшее достижение. Она надкусила мягкое имбирное печенье.

– Нам нужно было нарисовать свою семью, и мне было немного не по себе.

Она достала свой рисунок из рюкзака и положила на прилавок. Она довольно точно изобразила – мамины волнистые черные волосы, дедушку во весь рост, себя без переднего зуба, улыбку Мэй Лин в виде полумесяца и Джили, магазинного кота, свернувшегося в клубок.

– Что заставило тебя чувствовать себя странно?

Натали вспомнила рисунки других детей. Большинство из них изображали маму, папу, брата, сестру или двух сестер, и всегда красивый дом на заднем плане. Было также несколько семей, которых миссис Блессинг назвала «смешанными», что звучало очень мило, как название напитка у фонтана Рейнбоу Сода внизу по улице. А еще был Кэлвин с двумя папами и Энсон с двумя мамами, что не было чем-то странным для такого города как Сан-Франциско. О таких семьях ничего плохого не говорили. И мама тоже. Мама объясняла, что у многих детей есть только мамы, и это тоже нормально. И все же, когда речь зашла о Натали, возникло много вопросов.

- Как так получилось, что у тебя есть дедушка, но нет папы? – спрашивали ее.
- Кто эта китайская леди? – требовала ответа Кайла.
- Она живет с нами, – объясняла Натали.
- Это ваша прислуга? Твоя няня?

У большинства детей в школе была прислуга и няни. Все потому, что это был дорогой район, и все они жили в домах или даже особняках, а не в квартире над книжным магазином.

- Ну? – не унималась Кайла.

Натали очень хотелось соврать, но она совершенно не умела этого делать.

- Это подруга дедушки.

- Она его девушка?

– Думаю, да, – по какой-то причине ее смущала эта беседа. Она взглянула на маму и решила не упоминать про этот разговор.

– Никто не может указывать тебе, как думать и что чувствовать, – сказала мама. – Это твой выбор.

- Тогда почему я чувствую себя фриком? Я бы точно этого не выбрала.

Мама посмотрела на нее. В ее глазах зажглась искра.

- Иди сюда, – позвала она, указывая на детский отдел.

О боже. В разговорах о книгах мама профессионал. Натали доела печенье, запив его последним глотком молока, и вымыла руки. Она очень любила книги и чтение, но иногда ей просто хотелось поговорить с мамой. Тем не менее, она послушалась, потому что маме всегда удавалось найти ту самую, правильную книгу, и она читала ее так, что хотелось делать это вечно.

Как всегда, мама оказалась права. Для любой ситуации находилась своя книга. Натали была уверена: в бескрайней Библиотеке Вселенной мама обязательно найдет книгу, которая ответит на вопрос, беспокоящий Натали.

И точно – они нашли историю «Майя убегает», про индийскую девочку, которой не подходила ее семья. Книга действительно помогла. Это означало, что Натали не была единственным в мире ребенком с необычной семьей. Мама любила повторять: «Читая книгу, ты никогда не будешь одинок».

* * *

Когда песня закончилась, Натали вернулась к трибуне с книгой, папкой заметок и коробкой салфеток. Она осторожно раскрыла книгу и опустила микрофон.

- Я Натали, – сказала она. – Дочь Блайз.

Почти сразу ее горло обожгло болью, а дыхание перехватило от слез. Она запаниковала, потому что отчаянно хотела, чтобы ее услышали. Сделала глубокий вдох. Сегодня она рано проснулась, чтобы отрепетировать свою речь. Чтобы держать себя в руках, Натали использовала специальный прием: нужно со всей силы сжать указательный и большой пальцы.

– Книги были миром моей мамы, а она стала моим миром. Когда мы жили в квартире над магазином, каждый день, проведенный с мамой, превращался в приключение. Из-за магазина мы не уезжали в отпуск.

Натали очень хотелось поехать по миру, как делали ее школьные друзья, – в Диснейлэнд, на Гавайи, в Лондон, в Японию. Но вместо этого мама отправляла ее в путешествия на страницах книг – на остров Принца Эдуарда, в Саттерс Милл, в Нарнию и на ферму Саннибрук, в открытый космос и в Хогвартс.

Она изо всех сил пыталась вернуть мать с помощью нескольких анекдотов и слезных воспоминаний. Потом достала книгу, которую читала много раз, когда росла – «Минпины» Роальда Даля.

– Впервые мама прочитала мне эту книгу после визита к Клеймору Арборетуму. Мне было пять лет, и я верила, что стрекозы – это феи, а маленькие эльфы летают на спинах певчих птиц. Она позволяла мне так думать столько, сколько я хотела. И я глубоко убеждена, что это был лучший родительский совет.

Она вдохнула, вспоминая приятный запах маминого банного халата, когда они прижимались друг к другу, чтобы вместе почитать на ночь. Сейчас она надеялась, что мама ее слышит.

– Прежде всего, наблюдай за миром вокруг тебя, потому что все величайшие тайны скрыты в самых неожиданных местах. Тот, кто не верит в волшебство, никогда его не найдет.

Натали закрыла книгу и прижала ее к груди, как делала в детстве. Когда она снова заговорила, ее голос был на удивление ровным.

– Я могу держать вас здесь весь день, рассказывая истории о моей матери, – сказала она. – Но маме бы это не понравилось. Она всегда верила, что у каждого из нас своя история, и ничто с ней не сравнится. Так что на этом я закончу. Спасибо.

Глава 5

После поминальной службы в помещении зазвучали голоса и зажурчала музыка. Вместе с толпой людей Натали вышла из зала. На фуршете она почувствовала невероятную энергию поддержки. Это ее вдохновило, несмотря на то, что источником этой энергии была глубокая печаль. Она позволила ей подхватить себя и увлечь, как лист, брошенный в течение резвой реки.

К концу дня энергия иссякла. Люди обещали непременно позвонить, но Натали в этом сомневалась. Они уверяли, что помогут ей, если это когда-нибудь будет нужно. Но каждый возвращался к своей жизни: к своей работе и заботам, к своим семьям и друзьям. Когда они входили в свои дома или офисы, садились в самолет или на поезд, они возвращались в тот же мир, который покинули.

Для Натали все было иначе. Для нее уже ничего не станет прежним. Теперь она познала боль внезапной потери, раньше эти чувства ей были незнакомы, как непрочитанная книга на полке. В тот вечер, войдя в магазин, она почувствовала такую огромную пустоту, что едва могла дышать. Силы ее покинули.

– Это утомительно, правда? – спросил дедушка. – Вот такая печаль. Она физически утомляет.

– Ты прав, – сказала она, наблюдая за ним сквозь тусклые лампы магазина. – Давай оба ляжем пораньше?

Когда он шел по коридору, ей показалось, что он стал меньше ростом. Они еще не говорили о том, что будет дальше, теперь, когда Блайз умерла. Натали знала, что им предстоит сложный разговор о решениях, которые они еще не готовы принять.

Через несколько минут она вошла к нему в комнату, постучавшись. Дедушка был в своей фланелевой пижаме и в старых кожаных тапках. На прикроватной тумбочке лежали таблетки и стопка книг. В углу стоял старый железный радиатор, который служил полкой для коллекции книг и сувениров со службы.

– Тебе принести что-нибудь? – спросила она.

Он сел на кровать.

– Нет, спасибо.

Ей хотелось найти слова утешения, но ничего не приходило в голову.

– Я буду наверху, – сказала она. – Крикни, если что-то понадобится.

Она поцеловала его в лоб и тихонько вышла. Вернувшись в магазин, она сняла плакат с объявлением о поминальной службе и выбросила его в корзину для мусора. С грудой цветов и подарков можно будет разобраться утром.

Она уже собиралась подняться наверх, но стук в дверь заставил ее вздрогнуть. Кто-то еще пришел выразить соболезнования? Еще одна веганская запеканка из киноа или порция печенья?

Блики внутреннего освещения мешали рассмотреть посетителя.

Она открыла дверь и столкнулась лицом к лицу с человеком, которого с трудом узнала. Дин Фогарти постарел, но все еще высок и хорошо сложен, его светлые волосы поседели, но были хорошо пострижены и уложены. Должно быть, он был безумно красив в те далекие годы, когда мама закрутила с ним тайный роман.

– Натали, – сказал он. – Я прочитал про Блайз в газете. Я... какой шок. Мне очень жаль.

Ей хотелось остаться наедине со своим горем. Нет, ей нужна была мама. И от этого ей становилось еще печальнее. Едва уловимым жестом она пригласила отца войти.

Они не обнялись, не пожали руки и не коснулись друг друга, разве что взглядом. Их отношения были слишком неопределенными для чего-то еще. Когда она была маленькой, Дин

изредка навещал ее, но даже тогда их сковывала неловкость, они чувствовали себя как два незнакомца, запертые в замкнутом пространстве.

– Хочешь сесть? – Она указала на кофейный уголок магазина.

– Спасибо.

Она сняла крышку с пластиковой тарелки.

– Угощайся печеньем. Люди уже несколько дней носят еду.

– Как ты? – спросил он.

Она была как в тумане с момента, как узнала про катастрофу. Но он не тот человек, с кем хотелось бы разделить это бремя.

– Все еще в шоке, – сказала она. – Стараюсь сейчас сосредоточиться на дедушке.

– Я рад, что вы есть друг у друга. Меня никогда не было рядом с тобой и с мамой. Мне жаль. Вы обе заслуживали лучшего.

– Мама заслуживала, – согласилась Натали.

– Я буду всегда жалеть, что вас не было в моей жизни, – проговорил он.

– Это сложно, когда у тебя дома жена и трое детей.

Он поморщился.

– Я был чертовски глуп. – Он помолчал, потом спросил: – Она... Блайз когда-нибудь вспоминала обо мне?

«За прошедшие десять лет мог бы спросить у нее самой», – подумала Натали.

– Честно? Нет. Во всяком случае, не со мной.

Вряд ли он это хотел услышать. Мужчины любят воображать, что бывшие тоскуют по ним. «Чувак, мы не тосковали», – подумала она.

– Верно... Натали, надеюсь, твоя мама была счастлива. Надеюсь, вы обе были счастливы.

Она рассматривала его лицо, он по-прежнему красив, как стареющая кинозвезда. Умоляет о прощении. Хочет верить, что он не причинил вреда. Но они оба знали, что причинил. Натали слишком устала, чтобы расстраиваться еще сильнее.

– Послушай, если ты здесь чтобы замаливать свои грехи, не мне тебя судить. Мама нашла свое счастье. Она любила магазин, и, судя по количеству людей, пришедших на поминки, она жила в окружении друзей.

– Она была фантастическим человеком, и я знаю, что она была прекрасной матерью.

Он оглядел магазин, полный безделушек и памятных подарков, оставленных людьми. Натали понимала, что он хочет поговорить еще, но ей этого не хотелось.

– У меня был тяжелый день, – сказала она.

Он понял намек и встал.

– Береги себя, Натали.

– Хорошо.

Она стояла не шелохнувшись, когда он вышел и растворился в полумраке.

Самые ранние воспоминания Натали о Дине Фогарти относились к возрасту пяти лет. Мама сказала, что с ней придет познакомиться мужчина по имени Дин. Дин – это ее папа.

– Он будет с нами жить? – спросила Натали.

– Нет. Господи, нет. Тебе не обязательно знакомиться с ним, малышка. Только если ты хочешь.

Натали пожала плечами, она не знала, хочется ей или нет, но было любопытно. У него оказались белоснежная улыбка и серьезные глаза, которые совсем не улыбались. Отец принес ей подарок на день рождения, хотя день рождения был неделю назад. Она приняла его и скромно поблагодарила. Дин и мама что-то напряженно обсуждали, он что-то сунул ей в руку. Когда он ушел, Натали взглянула на маму, та вытирала слезы.

– Почему ты плачешь? – испугалась она, увидев, что Блайз плачет.

– У меня был такой чудесный папа, когда я росла. Жаль, что у тебя нет такого отца, как дедушка.

– У меня же есть дедушка. Я не хочу, чтобы Дин приходил. Он расстраивает тебя.

– Нет, малышка, не расстраивает. Я просто хочу убедиться, что тебе достаточно меня одной.

«Тебя было достаточно, мама, – подумала она. Надеюсь, ты знала это. И надеюсь, что тебе меня было достаточно».

Через несколько лет она вступила в футбольный клуб «Литтл Кикерс». На первой же тренировке она снова увидела Дина Фогарти. Он, к ее ужасу, был одним из помощников тренера, и его сын Хантер был членом команды. Она промучилась всю тренировку, а когда вернулась домой, сказала матери, что больше туда никогда не пойдет.

– Я не хочу видеть его с настоящим сыном, – объяснила она.

– Ты тоже его настоящий ребенок, – возразила мама.

– Это разные вещи, – ответила Натали.

Мама обняла ее и прошептала:

– Это даже лучше. Нам лучше вдвоем.

Спустя годы Дин пришел с подарком. Его улыбка была мягкой и полной сожаления, а глаза голодными, как у магазинного кота перед кормежкой. Натали пыталась думать о нем, как о близком человеке, а не как о милом незнакомце, забежавшем за последним бестселлером. Но так и не смогла наладить с ним отношения.

Аромат цветов витал в воздухе, тяжелый, как старые воспоминания. Натали помассировала шею, которая болела от усталости. Она приглушила свет в магазине и включила сигнализацию. В здании было два входа, просторное фойе, ведущее в магазин, и отдельная дверь на уровне улицы, куда привозили почту. Там же находилась лестница наверх, где она жила девочкой. Бывало, Натали завидовала своим друзьям, которые жили в настоящих домах с большими дворами, качелями, и гаражами, в которых стояли скутеры и велосипеды. Теперь, когда цены на рынке недвижимости Сан-Франциско подскочили, это старое, полуразвалившееся здание стало одним из самых желанных в округе. Благодаря своему историческому шарму и деталям, здание «Санрайз», как его называли, превратилось в лакомый кусочек для застройщиков. Свое название оно, по-видимому, получило от символа подмигивающего солнца на крыше. Это же изображение было на вывеске и логотипе книжного магазина. На фирменной закладке магазина, отпечатанной на старой печатной машинке, которую выдавали при каждой покупке, тоже была эта картинка и надпись: «Следи за хорошими книгами».

Натали навела порядок на кухне, убрав невероятное количество еды, которую принесли люди. Все, что осталось, она упаковала, чтобы отдать бедным. Конечно, она понимала, зачем люди приносили скорбящим еду, вот только ни она, ни дедушка не смогли бы все это съесть.

В маленькой квартире было много мелочей, создававших приятный беспорядок. Книги, мебель, которая принадлежала семье на протяжении нескольких поколений, тут и там валялись вещи, требовавшие починки. Все выглядело так, будто Блайз вышла на минутку и скоро вернется. В раковине Натали заметила немытую чашку, огромный список покупок, белье, ожидающее, когда его сложат и уберут.

Медленно и болезненно она продолжала осознавать, что ее мать умерла. Натали бродила по дому как в лабиринте воспоминаний. В квартире находилось много изящных старомодных деталей. Под фронтоном было место, где Натали обычно лежала на старом шезлонге, наблюдая, как над парком восходит солнце. Старые окна в форме арки, деревянные полы, готические витражи и мраморный камин – все это напоминало о прошлом здания. Раньше на первом этаже был салун, а наверху – элитный бордель. Этим объяснялся узкий коридор с маленькими комнатами по обе стороны и большая старомодная ванная в конце.

Мать Натали всегда умела сочетать ткани и фактуры, придавая помещению богемную атмосферу. В юности Натали не замечала очарования несовершенства квартиры, но теперь она оценила вкус и талант матери. Только вот небольшой беспорядок... Она подавила приступ раздражения. На маму не хотелось злиться.

Когда Натали примчалась в город, получив известие об авиакатастрофе, она спала в своей детской комнате – крошечном пространстве, которое раньше казалось таким уютным. С тех пор, как она переехала, комната превратилась в склад вещей, с которыми мама не хотела возиться. Двухспальная кровать была завалена стопками сложенного белья и другими вещами. Ее школьная коллекция CD-дисков и книг все еще лежала на полке, как она их и оставила. Она отодвинула хлам в сторону. Той ночью она плохо спала.

На прошлой неделе Натали не решалась войти в комнату матери. Она держала дверь закрытой из страха, что, если ее открыть, это вызовет бурю эмоций. Сегодня вечером ей не хотелось находиться в беспорядке своей старой комнаты. Теперь она, как Златовласка, выбирала, где ей лечь. Бывшая комната деда была завалена пластиковыми больничными ящиками и канцелярскими папками. В рамке на стене висело фото Мэй Лин.

Она вошла в мамину комнату, и у нее перехватило дыхание.

Это пространство было миром ее матери. Мгновение во времени. Прерванная жизнь. Комната ждала, что ее хозяйка вернется, наденет свою ночную рубашку и тапочки, уютно устроится с кроссвордом или романом. Присутствие мамы ощущалось во всем, от семейных фото на стене до фарфорового блюда и разномастных сережек на комод. Она всегда теряла серьги.

Ее ночная рубашка висела на крючке за дверью. Любимая газета «Экзаминер Сан-Франциско» лежала на тумбочке, раскрытая на кроссворде, который был разгадан только наполовину.

Разгадывание кроссвордов и чтение были обязательным ритуалом перед сном. Когда она была маленькой, мама разрешала помогать ей. Натали тут же увидела: 23 по горизонтали: «птица – падальщик», четыре буквы, оканчивается на *с* – *ибис*. И 39 по вертикали: «грациозный», три пропущенные буквы, затем – *ицный*. Изящный. Она по инерции заполнила их.

Небольшая стопка книг и очки для чтения лежали на привычном месте, на тумбочке. Натали взяла верхнюю книгу. «Игры света». Сигнальный экземпляр издательства – не для продажи. Мама любила предварительно ознакомиться с текстом, ей привозили книги представители издательств, чтобы узнать ее мнение. На титульном листе стояла подпись автора, он благодарил Блайз за то, что она связывает писателей и читателей.

Натали открыла на заложенной странице. Дрожь пробежала по всему телу. Неужели это последнее, что читала мама?

Она прочла: *«Первый, кто проходит сквозь стены, получает раны»*, – сказал Финн. Ладно, но кто такой Финн и что он знает о стенах? На несколько блаженных минут она погрузилась в чтение и получила удовольствие от хорошей истории.

Неожиданно накатил волна грусти. Мама никогда не закончит читать ни эту замечательную книгу, ни те, что лежат в стопках и ждут, когда их откроют. Натали отложила томик в сторону из-за нахлынувших грусти и ностальгии. Была ли мама действительно так счастлива, как Натали убеждала Дина? Была ли Натали частью этого счастья?

Ей снова захотелось плакать, но она устала от постоянных слез. Было поздно, нужно было поспать.

Она встала, достала из чемодана ночную рубашку и спустилась в холл, чтобы умыться и почистить зубы. Ванная напоминала живописное полотно – большая фарфоровая раковина, огромная ванна с фигурными ножками. Пол был сырым, и это беспокоило Натали. Как и ржавые петли, и дребезжащие оконные стекла, жужжащие лампы и еще много других вещей. Дом постарел и нуждался в ремонте.

Но, конечно же, не сегодня.

Мамино мыло и косметика разбросаны по столешнице, ароматы будили сладкие и болезненные воспоминания. На полке для ванны лежала потрепанная книга о борьбе с деменцией. На волнистых от влаги страницах были выделены целые абзацы. *Ох, мама. Почему же ты не рассказывала мне больше о состоянии дедушки?*

В аптечке оказалось несколько сюрпризов. Рядом с кремами для лица и бальзамами для губ стояли рецептурные флаконы с успокоительным и снотворным. *Пустые.*

– Успокоительное? Правда? Почему ты ничего мне не рассказывала? – сказала она маме в зеркало. – Ты должна была мне сказать. Не уверена, что я смогла бы помочь, но я думала, что мы все рассказываем друг другу.

Натали почистила зубы и забралась в мамину постель. Она все еще хранила ее запах, знакомый с детства, когда по утрам она забегала в комнату и запрыгивала в кровать, чтобы прижаться к маме. Она снова открыла роман, лежащий на тумбочке. Они с матерью часто гадали на книгах. «Первое предложение на странице 72 расскажет, что ты будешь сегодня делать, или твой самый большой секрет».

В этой книге страница 72 гласила: «Фотолаборатория была единственным местом, где она чувствовала себя уютно».

Почитав пару часов, Натали отложила книгу и подошла к аптечке. Нужна была таблетка от бессонницы.

Спасибо, мама.

* * *

Нужно что-то решать. Это была первая мысль Натали после того, как она вынырнула из глубин обволакивающего сна. Следом, подобно утреннему приливу, на нее нахлынул новый приступ отчаяния, за которым последовал поток сожаления, он подкрался, чтобы вынести ее в открытое море и утопить в своих водах. Ей бы хотелось вернуть тот момент, когда она попросила мать приехать на вечеринку в Архангел. Зачем, ну зачем она пригласила маму на этот дурацкий корпоратив?

Натали встала и приняла ванну, погрузившись в душистый лавандовый аромат. Она почитала немного книгу о деменции, которая ее напугала и поразила. Потом оделась и спустилась вниз проверить, как там дедушка. Он крепко спал, его слуховой аппарат лежал в чашке на тумбочке. Она вышла на цыпочках и включила кофемашину в кофейном уголке. В детстве это было ее работой. Быстро одеться, спуститься вниз и включить кофеварку, чтобы вода нагрелась до 187 градусов – идеальной температуры для приготовления утреннего напитка. У постоянных клиентов на полке над эспрессо-машиной хранились свои именные кружки.

Мягкое шипение нагревающейся машины, жужжание кофейных зерен в кофемолке, богатый, густой аромат кофе пробудили в ней воспоминания о детстве. Сейчас это был пустой звук. Он не привлечет зевающую маму с верхнего этажа вниз. Не будет никакого утреннего маффина из пекарни напротив и совместного чтения газеты.

Натали налила кофе в рекламную кружку от какого-то издателя, направлявшего ее на поиски своей мечты. Книга, которую рекламировали, называлась «История плавания» со слоганом «Найди свою дорогу. Найди свою мечту».

Натали приготовила себе кофе кортадо, крепкий сливочный кофе, который подают в Испании. Она нашла этот рецепт в книге и научилась варить его в совершенстве. «Когда-нибудь я поеду в Испанию», – подумала она. Когда она училась в колледже, появилась возможность провести один семестр за границей – Испания была самым заманчивым вариантом. Было бы чудесно насладиться мягким бризом Малаги и мавританскими достопримечательностями Гранады. Но провести полгода в Испании было непрактично: дорого и не предполагало

технических занятий. Вместо этого она выбрала для своей учебы за рубежом Шанхай. Он очень подходил для подготовки к степени бакалавра. Каждый день, пробираясь сквозь смог и пробки, она изучала цифровой менеджмент в той культуре, которая его изобрела. А жила она в семье, которая специализировалась на древностях. Это было величайшее приключение ее жизни, пробудившее в ней желание добиться большего.

Путешествие было ее мечтой, но работа всегда стояла на первом месте. Испании придется подождать.

Зато она могла варить кофе, как это делают испанцы.

В тишине раздалось мяуканье.

– Сильвия, – с облегчением вздохнула она, – вот ты где. Клео сказала, что ты пропала. Грაციозная коленкоровая кошка была названа в честь Сильвии Бич, а не Сильвии Плат, мама настаивала на этом. Сильвия Бич владела парижским салоном и книжным магазином «Шекспир и компания».

Натали села за один из трех маленьких столиков кафе. Сильвия прыгнула с подоконника на стул напротив.

Она посмотрела в топазовые глаза кошки.

– Привет, красотка. Что теперь с тобой будет? Дедушка присмотрит за тобой?

Она протянула руку через стол, чтобы погладить кошку. В тот момент, когда ее рука коснулась мягкого, как у шиншиллы, меха, Сильвия молниеносно ее царапнула.

– Эй! – Натали отдернула руку, посмотрев на рану. – За что?

Она подошла к умывальнику и промыла руку.

– Ах, точно! Ты же кошка.

Вернувшись к столу, она зачерпнула немного теплой пенки с кофе и дала лизнуть кошке.

– Я рада, что у нее была ты и составляла ей компанию. Ты находилась с ней каждый день. Я думаю, ты хорошая компания. Или ты ее тоже царапала? Надеюсь, ты воспитанная и не беспокоила клиентов.

Магазин выглядел так же, как и всегда. Мама никогда не любила перемен. Полки от пола до потолка, на которые можно было влезть с помощью передвижных лестниц с латунной фурнитурой. Выкладки последних бестселлеров. Детская секция с ковриком и креслами-мешками. Редкие книги в витринах. И мамина любимая полка рядом с кофейным уголком. Она назвала ее «М.М.М.» (Мир Мудрых Мыслей). Она была заполнена ее любимыми книгами с отметками и закладками.

Натали любила просматривать эту полку. Книга никогда не предаст тебя, не поменяет своего мнения и не заставит чувствовать себя глупо. Она достала «Книгу Мерлина» и нашла помеченный отрывок: «Лучшее лекарство от грусти – это узнавать что-то новое. Это единственная вещь, которая никогда не подводит».

– А вот и он, – сказала Натали кошке. – Мой план на сегодня.

Она открыла ноутбук, создала документ, в котором начала печатать список дел. Как назвать файл, она не знала, поэтому озаглавила его «Что теперь?».

Посмотрев на кошку, она добавила в список и ее. Еще одна деталь, которой нужно уделить внимание. Что будет с магазином без мамы? Сможет ли дедушка кормить Сильвию? Наливать ей воду в миску? Размещать ее фото в «Инстаграме», чтобы ее видел весь мир? Что, если он забудет покормить ее? Она добавила вопросительный знак в пугающе растущий список дел.

Последствия, которые повлекла неожиданная мамина смерть, стали сложным испытанием.

Она дала кошке немного корма, Сильвия привередливо съела несколько кусочков и проскользнула через кошачью дверцу в садик на заднем дворе.

Нахлынула новая волна грусти, ее передернуло от душевной боли. «Когда же закончатся слезы?» – задалась она вопросом. Когда утихнет боль? От нее нельзя было выпить таблетку, как от головной или другой боли. Нет, эта боль потери и сожаления была неизлечимой.

За прилавком Натали открыла мамин ноутбук. Она знала, что будет больно, но этого не избежать. Нужно преодолеть себя и навести порядок в делах матери.

На рабочем столе стояло фото Сильвии, прихорашивавшейся у витрины, и надпись «Доброе утро, Блайз». Натали нашла нужный пароль в записке под настольным пресс-папье. Мама говорила, что она мечта любого вора, потому что везде использовала один и тот же пароль и никогда его не меняла. Она утверждала, что это потому, что ей нечего скрывать и она все равно не может запомнить коды и пароли.

Копаться в личной жизни мамы было странно и неловко. Натали знала, что это только начало. Когда кто-то неожиданно уходит, остается много неоконченных дел.

Натали предполагала, что, возможно, где-то у мамы есть завещание. Она просмотрела файлы, пытаясь понять, где копать в первую очередь.

Она открыла папку с названием КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БЮРО НАХОДОК»:

Натали стало интересно, что мама хотела написать дальше. Она нашла много сканов. Это были рукописные документы, пожелтевшие от времени. Перед ней оказалась декларация судового груза от 1888 года с выделенным именем Коллин О'Рурк, а также списки личного состава с заголовком «Астор Бэттери» и подчеркнутым именем Джулио Харпер. В другом файле была информация о Уильяме Рэндольфе Херсте. Там же был отчет с результатами теста ДНК, присланного по почте.

Результаты Натали поразили. Как и следовало ожидать, в основном ее мать была англо-европейского происхождения. Но результаты также говорили, о том, что на 7% она была испанкой, а на 12% – африканкой. Серьезно?

Натали внимательно осмотрела свое лицо в неровном зеркале старого секретера. Темные вьющиеся волосы, как у матери. Бледная кожа и светло-карие глаза – общие черты с человеком, который был ей отцом. Что означают эти 12 процентов? Была ли она цветной женщиной? А ее мать? Как это определить? Кем были ее предки?

На протяжении всей своей жизни она часто чувствовала себя чужой. Неужели мама чувствовала то же самое? Могло ли это стать причиной? Ее охватило разочарование из-за вопросов, которые она никогда не сможет задать маме, – что ты искала? И почему ты не поделилась этим со мной?

Она проверила банковские счета и кредитные карты матери и вздрогнула от дурного предчувствия. Огромные счета за лечение сломанного бедра бабушки, включая затраты, которые не покрывала медицинская страховка. Самое страшное – залоговые документы за неоплаченные городские и федеральные налоги. Собственные расходы матери, коммунальные платежи и траты на содержание магазина. От быстрого подсчета у Натали перехватило дыхание. Общая сумма оказалась больше, чем у любого финансового документа, который ей приходилось видеть. Если подсчеты были верными, получалось, что мама и магазин тонули в долгах и неоплаченных счетах, и продолжалось это уже довольно давно.

Еще одну плохую новость она нашла в разорванном конверте, который был спрятан подальше от глаз, – сообщение о потере права выкупа. Из чего она сделала вывод, что большой заем на собственность под залог акций от частного кредитора был взят на имя бабушки и он не смог выполнить обязательства.

От представшей ужасной финансовой картины у нее заболело в груди. Мама никогда не говорила ни слова. Натали почувствовала внезапный приступ гнева. Неужели, мама? Неужели?

Сейчас с этим не стоит разбираться, подумала Натали. Не в данный момент. Но придется смотреть правде в глаза. Рано или поздно придется продавать магазин и все его содержимое.

Она убрала чашку и посмотрела на часы. Сегодня они собирались открыть магазин вместе с Клео и Берти. Во имя дела жизни матери они будут его продолжать. Бизнес должен идти как обычно.

Натали знала, как открывать магазин, хотя не делала этого со времен учебы в колледже. Утренняя рутина была одновременно знакомой и печальной. Включив свет в магазине, она прошла мимо полок и витрин, установленных мамой. На них стояли таблички, написанные рукой самой Блайз, выделяющие тему и нужные заголовки. В кафе мама установила акцию: пять долларов за сладкий кекс и латте с пряностями. Натали проверила запасы и сделала себе пометку взять кексы из пекарни напротив. Наконец она включила табличку *Открыто* — неоновую вывеску в виде открытой книги — и пошла за прилавком. Табурет у кассы был маминым местом последние тридцать с лишним лет. Мама была левшой, поэтому Натали пришлось передвинуть кружку, полную ручек, мышку и клавиатуру.

Сев на табурет, она почувствовала волнение. Судя по содержимому маминой аптечки, она тоже переживала. Беспокоилась ли она о финансах? У нее когда-нибудь был план? Или она верила, что все наладится, как в конце любимого романа?

— Не хочу злиться на тебя, — думала Натали. Тем не менее, она оказалась разочарована.

Глубокий вдох. Закрой глаза. Не плачь. Натали открыла свое сердце матери, пытаясь вспомнить, как и когда она осознала, что та была неудачницей.

* * *

Каждый день после школы Натали садилась на автобус и ехала домой. Спрыгивая на углу Пердита и Инконтра-стрит, она бежала пол-квартала до книжного магазина. У парадного входа ее встречала тяжелая стеклянная дверь. На полу в фойе красовался узор из черно-белой плитки.

Она ворвалась внутрь, звякнув колокольчиком над дверью. Мать сидела за стойкой, взгромоздившись на высокий вращающийся табурет, перед ней лежала раскрытая книга, на голове повязан красивый шарф.

— Мама, мы бедные? — спросила Натали, сбрасывая с плеч рюкзак.

— Нет, — бросила мама небрежно, почти не поднимая глаз. — Почему ты спрашиваешь?

— Кайла Крамер говорит, что мы бедные. Она обозвала меня — сказала, что я дворняжка.

У мамы слегка дернулись губы. Как всегда, она достала «Убить пересмешника» со своей М.М.М. полки.

— Это не оскорбление, когда кто-то тебя обзывает. Это лишь показывает, как беден этот человек, тебя не должно это задевать.

— Она не бедная, — настаивала Натали. — Это мы бедные. Кайла говорит, что мы поэтому никогда не ездим в отпуск, даже когда нет учебы.

— Мы отправляемся в отпуск каждый раз, когда открываем книгу. — Мама вручила ей пухлый конверт из стопки с почтой на прилавке. — Новая книга Джуди Блум, только что пришла из издательства, ты можешь взять первый экземпляр.

Натали с радостью ее схватила.

— Не могу дождаться, чтобы прочитать, — заявила она. — Но читать книгу и ездить в отпуск — это разные вещи, и ты это знаешь.

— Если ты говоришь о том, чтобы полететь на Гавайи или в Париж, тогда ты права. Но то, что мы не можем позволить себе шикарные поездки, еще не делает нас бедными. У тебя есть домашнее задание?

— Было по математике, но я сделала его на перемене.

– Ты должна играть на перемене.

– Я не хочу играть с детьми, которые называют меня бедной.

Мама приподняла бровь.

– Я не виню тебя. Мне бы тоже этого не хотелось. Рада, что твое домашнее задание готово.

Значит, у нас есть планы на сегодняшний вечер.

– Правда? Какие планы?

Мама усмехнулась.

– Мы едем в Китай. Как тебе такое путешествие? – Натали направилась в подсобку и схватила батончик мюсли из коробки на полке. – Мэй Лин берет нас с собой в «Хэвэнли Дейз».

Их любимый ресторан во всем китайском квартале.

– Я смогу получить Кубок Воина?

– Конечно. – Мама заправила выбившуюся прядь волос за ухо. – Послушай, у нас есть здоровье, крыша над головой, еда и книги. У нас все хорошо, малыш.

Натали почувствовала, что мамина логика убедительна. С этим нельзя было поспорить, а если кто бы и попытался, то выглядело бы это глупо.

– А где дедушка? – спросила она.

– Возится в подвале, – сказала мама. – Вечно ищет отцовские сокровища.

Это была семейная шутка, что отец Эндрю, старый Джулиус Харпер, верил, что в здании «Санрайз» есть сокровища. По словам бабушки, мать Джулиуса спрятала их в подвале, а потом умерла во время землетрясения в 1906 году. Джулиуса отправили в сиротский приют, и клад был утерян навсегда. Дедушка вырос, слушая эти истории, но это были просто байки. Не такие реальные, как поездки друзей на каникулы на Манхэттен и в Мексику.

Звякнул колокольчик, и мама быстро прошла в зал.

– Здравствуйте. Чем могу помочь?

Покупателем оказался парень с хвостом и в концертной футболке. В былые времена дедушка называл бы его хиппи.

– Спасибо. Просто смотрю, – сказал он. – Я только что закончил «Бесконечную шутку», и моим мозгам нужна передышка.

– Понимаю, – согласилась мама. – Это как бродить в лабиринте. Может быть, вы хотите более последовательное повествование? Вот наш стол новинок.

– Что-нибудь порекомендуете? – спросил парень.

– Все, – сказала мама. – Иначе их бы не было на моем столе новинок. Если вам нравятся смешные, развлекательные книги, наверное, понравится вот эта. Это первый роман местного автора. – Она вручила ему экземпляр книги «Практическая демонология». – Необычный роман о дружбе. Мне он показался невероятно смешным.

– Вы читаете меня как книгу. – Парень покачал головой, словно смутившись от собственной глупой шутки. Потом он посмотрел на маму. Натали заметила, как его взгляд скользнул быстро по красному свитеру мамы с V-образным вырезом и короткой юбке. – Как вы поняли, что именно мне понравится? – спросил он.

О боже. Он флиртовал. Парни часто делали это с ее мамой. Она была очень хорошенькой, и Натали знала, что она так думает не потому, что все дети считают своих мам красивыми. Даже самые противные ее одноклассники, такие как Кайла, говорили, что ее мама похожа на модель. Или на Джулию Робертс. К тому же мама умела круто одеваться и была общительной. Она могла говорить с кем угодно и заставить себя полюбить.

Кроме того, у нее была сверхспособность, которую она только что продемонстрировала. Она могла увидеть человека в первый раз и мгновенно понять, какую книгу ему порекомендовать. Натали казалось, что она прочитала все когда-либо написанные книги. Она могла разговаривать со старшеклассниками про Айвенго и Сайлес Марнера. Вела группу, где обсуждались тайны и загадки. Могла назвать людям точный день выхода нового романа Мэри Хиггинс

Кларк. Знала, какие дети читают книги только о Гарри Поттере, а какие интересуются Эдвардом Игером или Филипом Пулманом.

Порой люди ничего не знали о книге, которую искали, кроме того, что «она голубая с золотистым обрезаем», и мама определяла, о чем речь.

Единственное, чего не понимала мама, так это почему Натали хотела жить в нормальном доме, как обычная семья.

* * *

Звон колокольчика вернул Натали на землю. С уходом мамы прошлое казалось другим.

– Доброе утро, ребята, – поздоровалась она, встав, чтобы обнять Клео и Берти. Она чувствовала, что они оба пристально смотрят на нее и хотела развеять их беспокойства.

– Дедуля встал? – спросила Клео, унося пальто в подсобку.

– Нет еще, – сказала Натали.

– Как он?

Натали вспомнила, как желала ему спокойной ночи. В его глазах была печаль.

– Он сильно устал вчера. Пойду гляну, как он.

Берти посмотрел на нее долгим взглядом.

– Ты сама еле держишься.

– Расскажи мне что-нибудь, чего я не знаю, – Натали разложила на столе какие-то бумаги. – Я практически нашла ее завещание. – Это было не совсем завещание. Документ был составлен в год, когда родилась Натали. Согласно документу, дедушка был ее опекуном. – Завещание не обновлялось с тех пор, как мама его подписала, и, по всей видимости, было действительно по сей день.

– Мне придется договориться о встрече с адвокатом, чтобы понять, что все это значит. – Адвокат. Какой адвокат? У нее нет никакого адвоката. И насколько она знала, у мамы его тоже не было.

Клео просмотрела бухгалтерские выписки, которые только подтвердили то, что Натали и так уже знала.

– Жаль, не могу тебя ничем порадовать, но у твоей мамы были проблемы.

Натали кивнула.

– У нее были проблемы, но я не знала, как долго это продолжалось. Она никогда не говорила мне, что оплачивает огромные счета за сломанное бедро дедушки. Нам придется закрыть магазин и продать тут все, если, конечно не существует какого-нибудь секретного источника Эльдорадо. Ликвидировать инвентарь и выставить здание на продажу. – Ее охватила дрожь. – Я постараюсь объяснить это дедушке.

Клео с Берти переглянулись.

– Здесь так много всего нужно сделать, – сказала Натали. – Я смогу остаться на пару дней, но мне нужно вернуться в Архангел. Вы тут справитесь сами?

– Конечно, – ответила Клео.

– И с дедушкой? Он говорит, что справится сам. – Натали посмотрела сначала на одну, потом на другого. – Как думаете?

– Ему хорошо внизу. Твоя мама планировала еще кое-что сделать в квартире – отремонтировать перила, установить держатели в ванной, и все такое. Он обычно заказывает доставку обеда в магазине на углу. Они по-прежнему каждый день прогуливаются с Чарли, как всегда это делали.

– Я нервничаю перед разговором о закрытии магазина, – призналась Натали. – Это будет самый тяжелый разговор в моей жизни. Господи, как я смогу все ему объяснить?

– Как насчет того, чтобы сначала все обдумать, а уже потом рассказать ему? – предложил Берти. Тебе не обязательно делать это сегодня.

Она неуверенно улыбнулась ему.

– Спасибо. Ты прав. Итак... Займемся делом сегодня, как обычно? Как вообще мы это сделаем? – Она почувствовала, как в груди все сжалось.

Уже через мгновение колокольчик над дверью зазвенел, и в магазин заскочила маленькая девочка с сияющими глазами и свежим личиком. Пшеничного цвета волосы, заплетенные в косички, большие голубые глаза. Первый посетитель в этот день.

Клео подтолкнула ее локтем.

– Просто сделай это, – прошептала она.

Клео и Берти прошмыгнули в подсобку, оставив Натали стоять за прилавком. Несмотря на то, что она делала это много раз, помогая в магазине во время учебы в старшей школе и летом в колледже, этот момент казался ей сюрреалистичным, как будто она потерялась во времени.

Мама и дедушка думали, что после колледжа она присоединится к команде магазина «Бюро Находок». Тогда у них с матерью был сложный разговор, в котором Натали призналась, что выбрала другую дорогу.

– Я думала, что ты любишь магазин? – удивилась мама.

– Я люблю. Но мама, я не люблю бороться.

Мама выглядела озадаченной.

– Бороться? Ты имеешь в виду административные дела? Это не так уж сложно. К этому привыкаешь.

– Ты удивительная, – восхитилась Натали. – Я никогда не смогу быть такой же потрясающей, как ты. Я не создана для этого. Я скорее из тех, кто получает зарплату и пособия.

– Ты можешь передумать, – сказала мама, указывая на магазин с высокими коваными стеллажами и старинными светильниками. – Все это – грандиозное приключение.

Натали призналась, что случались времена, когда цифровой менеджмент грозил разрушить ее душу. Эта работа была полной противоположностью грандиозному приключению. Но потом она напоминала себе о стабильной зарплате, премиях и будущей пенсии и решила, что оно того стоит. За стабильность было нужно платить.

Однажды она упрекнула мать:

– У тебя зарплата меньше, чем у твоих сотрудников. Никогда не ходила в отпуск. Не покупала себе ничего красивого. Вся твоя жизнь – это поддержание магазина на плаву.

– Ты говоришь так, будто это плохо.

Не плохо, мама. Но это *не мое*. Будучи подростком, она не понимала, что мама скрывала свои проблемы. Это объясняет, почему она видела, что мама на грани, только когда та себя не контролировала.

Девочка так жадно оглядывалась по сторонам, что Натали впервые после несчастного случая улыбнулась по-настоящему.

– Привет, – поздоровалась она. – Чем я могу тебе помочь?

Девочка склонила на бок голову, длинные косички последовали за движением головы. Она была одета в джинсы и высокие кроссовки, в клетчатую рубашку с закатанными рукавами. На одном локте виднелись едва заметные очертания недавно снятого пластыря. Она была застенчиво прекрасна, с кривой улыбкой, легкой россыпью веснушек на носу и щеках, тощими ногами, отсутствующим передним зубом.

– Мама подарила мне подарочную карту за то, что я хорошо вела себя у дантиста, – сообщила она. – Я не пошла сегодня в школу, потому что была у дантиста. Мне запломбировали зуб, видишь? – Она откинула голову назад, широко разинула рот и оттопырила щеку.

– О господи, – сказала Натали. – Больно?

– Не-а. Сделали укол новокаина, – ее передернуло.

Это объясняло кривую улыбку девочки.

– Укол – самое страшное.

– А потом показалось, что мне в рот засунули свисток, – девочка изобразила звук, и ее голос перешел в крещендо.

Впервые за последнее время Натали стало смешно.

– Неудивительно, что ты получила подарок. Какая молодец твоя мама.

– Ага, – девочка показала ей карту. На обороте было написано: «Умница, Дороти! С любовью, мама».

– Дороти – очень милое имя. Один из лучших персонажей всех времен – Дороти Гейл из книжки «Волшебник Изумрудного города».

– Папа говорит, именно поэтому он назвал меня Дороти. Он прочел мне эту книгу, даже самые страшные отрывки.

– Впечатляет. Ты ищешь что-то конкретное?

– Да, – заявила она, проходя в детский отдел. – Я знаю, как ее найти, буква «Д» в художественной литературе.

Детская секция была закутком в заднем углу магазина, с плетеным овальным ковриком, несколькими подушками и креслами-мешками. Вокруг громоздились полки и стеллажи. Старое кресло-качалка стояло рядом с мольбертом, на котором висело расписание для желающих почитать.

Девочка плюхнулась на подушку и стала с серьезным видом изучать книги для читателей среднего возраста. Для среднего возраста она была маловата. Но что-то в ее глазах говорило о том, что она заядлая читательница, как и сама Натали. Девочка провела пальцем по верхней полке, на которой стояли книги одного автора.

– Тревор Дэшвуд, – сказала Натали, подсаживаясь к девочке сбоку. За последние несколько лет его имя стало известно всем – насколько она знала. Мама говорила, что он ворвался в книжный мир с серией детских книг, которые продавались огромными тиражами.

Дороти пристально посмотрела на нее своими сверкающими глазами.

– Я люблю его больше всех на свете.

– Слышала, что он очень популярен, но никогда не читала его книг.

Девочка ахнула.

– Он лучший! Я читала все его книги минимум по три раза. – Ее голубые глаза засияли, когда она выбрала томик с полки. – Вот эту! – Она торжествующе протянула книгу. – Я брала ее в библиотеке и держала, пока не закончился срок, а теперь хочу собственный экземпляр.

Наблюдая за восторженным ребенком, Натали ощущала странное чувство дежавю. Она сама проводила в этом месте много часов, просматривая книги и мучительно размышляя, что выбрать. Она чувствовала незримое присутствие матери, которая никогда не влияла на ее выбор. «Иногда нужно позволить книге выбрать тебя», – часто говорила мама.

– Что тебе нравится в этих книгах? – спросила она.

– Все! Смотри, это рассказы-перевертыши, – продемонстрировала Дороти. Лицевая сторона обложки книги превращалась в заднюю, и наоборот. – В книге два рассказа. Вообще-то это одна и та же история, но рассказанная от лица двух персонажей. Ты читаешь один рассказ, а потом переворачиваешь книгу, и там уже другая версия истории.

Названия были простые и понятные: «Кошки-мышки», «Богатый ребенок, Бедный ребенок», «Классный клоун, Классный мозг», «Ботаник и качок».

– Что ж, это гениально, – согласилась Натали. – Теперь я понимаю, почему тебе нравятся эти книги. Мне придется прочитать некоторые прямо сейчас.

– Обязательно! Спорю, что тебе понравится «Ботаник и качок». — Дороти вручила ей экземпляр. — Все думают, что качок плохой, но когда читаешь, какой он на самом деле, — ну, не буду портить тебе впечатление.

Натали открыла книгу, и ее взгляд упал на форзац, на котором красовалась фотография автора. У Тревора Дэшвуда были идеально вылепленные скулы, роскошная взъерошенная шевелюра, накрахмаленная белая рубашка и интригующая, слегка озорная улыбка. Либо он был самым симпатичным писателем из тех, которых она видела, либо это фото стало его величайшим достижением.

Его биография изобиловала подробностями: учился в Северной Калифорнии, выиграл грант Оксфордского университета для творческих студентов. Заядлый коллекционер книг, основатель фонда помощи детям, борец с домашним насилием, лауреат премии Prix de la Croix во Франции. В заключении говорилось, что Мистер Дэшвуд живет на Калифорнийском побережье недалеко от Сан-Франциско.

– Почитаю ее сегодня вечером, — пообещала Натали. — Похоже, он удивительный человек.

Дороти прижала к груди книгу «Сестра и сестренка».

– Я куплю эту. — Она вскочила и пошла к кассе.

– А у тебя есть сестра?

– Нет, но, может, скоро будет.

– У тебя на подарочной карте достаточно денег чтобы купить что-то еще, если хочешь, — сказала Натали, показав остаток.

– О, хорошо! Порой я читаю слишком быстро и потом в панике ищу новую книгу.

– Могу тебе с этим помочь, — предложила Натали. Она пошла назад к детскому стеллажу и выбрала книгу, которую ее мама специально пометила рукописной карточкой. «Веджи и Гизмо», — произнесла Натали. — Мне нравятся их имена.

– Мне тоже, — Дороти внимательно изучила яркую, мультяшную обложку. — Выглядит хорошо. — У меня хватит на нее денег?

– Тебе повезло. — Натали оформила покупку, и на мгновение все стало как в старые добрые времена. Клиентка была в восторге от своих приобретений. Оплата прошла. Натали осторожно положила книги девочки в сумку, добавив небольшой бонус — закладку Good Eye и значок с надписью «Читай Всю Ночь».

– Вот, держи, — сказала Натали. — Все готово.

– Спасибо.

Дедушка вошел в магазин с черного входа. В одной руке он держал трость, а в другой — желтый блокнот.

– Я слышу, Дороти здесь? — спросил он.

– Салют, мистер Харпер! — поприветствовала его девочка беззубой улыбкой.

Восторг на лице дедушки порадовал Натали.

– Значит, вы знакомы?

– Дороти — наш постоянный клиент, — ответил дедушка. Он показал на блокнот: — Мы с Блайз работали над рассказом о книжном магазине и не забыли в нем упомянуть наших маленьких покупателей.

Натали кольнуло чувство вины. Ей предстояло испортить конец этого рассказа. И, наверное, скоро.

Дороти протянула сумку.

– Я сегодня купила две книги.

– Повезло тебе. Смотри, что я нашел. — Дедушка порылся в кармане брюк и вытащил горсть круглых стеклянных клавиш пишущей машинки.

Она уставилась на них.

– Круто.

– Вот, возьми, Д и Г – твои инициалы.

Натали обрадовалась, что дедуля узнал девочку, даже вспомнил ее инициалы. Мама говорила, что деменция может непредсказуемо то появляться, то исчезать. Возможно, сегодня хороший день. Она надеялась, что это так.

– Правда? Спасибо!

– У меня их много осталось от моей старой мастерской печатных машинок, — поделился дедушка. — Она располагалась здесь вместо книжного. Я думал, что мастерская тут будет всегда, но бизнес пришел в упадок. Всему виной технический прогресс.

– Как хорошо, что вы превратили ее в книжный магазин, — сказала Дороти.

Он кивнул.

– Мы с Блайз начали с сокровищ, которые обнаружили в подвале, — коробки старинных книг. Так началась история магазина «Бюро Находок». — Он нахмурил брови. — Но бизнес снова в беде, из-за изменений в современном мире. Люди смотрят ерунду на своих телефонах и заказывают книги в Интернете. Если это продолжится, книжные перестанут существовать.

Очевидно, он понимал, какие трудности возникли у ее матери с магазином.

Дороти побледнела.

– Нет, — не согласилась она. Книжные магазины — это магия.

– Я должен это записать. — Дедушка пошаркал к маленькому столику за прилавком. — Мы все можем еще немного попользоваться магией. Наслаждайся, юная леди.

– Обязательно.

– Кто-нибудь заберет тебя? — спросила ее Натали. — Твоя мама, или...?

– Мне нужно дойти до маминого офиса на углу. Она работает в «Сенчури Файненшл Сервисиз».

– Хорошо. Надеюсь, ты скоро вернешься.

– Ладненько. Пока! — Девочка побежала вприпрыжку.

Когда она ушла, в магазине воцарилась неприятная тишина. Натали хотелось, чтобы суетливые читатели приходили и уходили. К полудню дела стали налаживаться. Несколько постоянных клиентов заглянули, чтобы выразить соболезнования. Двое из них купили книги.

– Сочувствую вашей потере, — сказала одна женщина, выбирая экземпляр вегетарианской кулинарной книги. — Книжный магазин уже не будет прежним без Блайз.

Натали наблюдала за неразберихой, которую оставила мать. Она надеялась, что никогда не будет так безответственно относиться к своим финансам... и все же мама была счастлива, насколько могла судить Натали. Она жила ради магазина, несмотря на то, что он загонял ее в долги. У нее осталось много знакомых, которые ее любили.

Натали пребывала в полной уверенности, что у нее хватит смелости пойти на такой риск.

Робко улынувшись, она кивнула сочувствующей женщине. Она не хотела говорить им то, что и так становилось понятным. Книжный магазин не мог существовать без Блайз.

Глава 6

– Вы не можете продать магазин, – заметил адвокат. – Ни здание, ни бизнес, ни его активы. Натали почувствовала, как у нее скрутило живот, когда она смотрела на Хелену Харт, сидящую напротив. Она была единственным адвокатом, которого Натали смогла найти в Интернете и который согласился работать без гигантской предоплаты.

– Не понимаю.

– Он не ваш, чтобы его продавать.

– Но... В этом нет никакого смысла. Мама оставила мне все, согласно завещанию, которое я нашла в ее документах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.